

Александр ТАМОННИКОВ

ВОЙНЫ И СУДЬБЫ

ТЕНИ
ПРОШЛОГО

Восставшие

Войны и судьбы

Александр Тамоников

Тени прошлого. Восставшие

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Тени прошлого. Восставшие / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (Войны и судьбы)

ISBN 978-5-699-95956-3

Уже трудно поверить, кем они на самом деле когда-то были. Сейчас Павар и Файдар – уважаемые в афганском кишлаке люди. У каждого – семья, дети, небольшой, налаженный с годами бизнес. Но беда, как обычно, приходит внезапно. пышную свадьбу дочери Файдара по страшному стечению обстоятельств разбомбили американские летчики. Погибли жена и дочь. Охваченный горем отец в отчаянии спешит за поддержкой к Павару. И тогда друзья понимают: они уже не Павар и Файдар. Они – Борис Павлов и Владимир Фролов, советские офицеры, когда-то давно попавшие в плен к душманам. И вот пришло время доказать, что они вовсе не пленники, а мстители...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95956-3

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Тамоников

Тени прошлого. Восставшие

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Глава 1

Афганистан, военная база дислокации отдельного десантно-штурмового полка (ДШП), вертолетной эскадрильи, подразделения охранения, Шерган, в семнадцати километрах от Кабула. Воскресенье, 21 июня 1987 года.

На войне не бывает ни выходных, ни праздничных дней, ни рабочих. Одни сплошные будни. Но воскресенье – это воскресенье. И подразделения, находившиеся на базе, проводили время по распорядку выходного дня.

Командир разведывательного взвода ближе к обеду покинул батальонный офицерский модуль. Выйдя на улицу, он словно в пекло попал. В модуле, где работали кондиционеры, температура была двадцать четыре градуса, по крайней мере в отсеке она являлась именно таковой. На улице же термометр, прикрепленный к косяку входной двери, показывал тридцать четыре градуса. И это в тени. Как говорится, почувствуйте разницу. Старший лейтенант Борис Павлов эту разницу почувствовал, снял куртку «афганку», оставшись в майке-тельняшке. На голове панама, основное средство от солнца и вентиляция неплохая. Это кто-то хорошо придумал – панаму. На смятые, опущенные поля старший лейтенант не обращал внимания. Это в Союзе, в войсках южных округов, в Туркестанском в частности, молодые офицеры-щеголи отглаживали поля, вставляли по краю проволоку, протаскивали пуговицы тренчика вниз, оставляя последний на месте, пробивали «лохматку» на верхней части, и получалась натуральная ковбойская шляпа. В Афганистане же этой ерундой не занимались. Закрывает от солнца, и ладно.

Водрузив на нос дужку солнцезащитных очков, Павлов осмотрелся. Поблизости никого, только в курилке, в тени установленного с трех сторон брезента, солдат – дневальный по модулю, читал письмо. Наверное, от девушки, а может, и от родителей или друзей. Хотя нет, от девушки, уж слишком радостной была у него потемневшая от загара физиономия.

Павлов взглянул на часы. 11:55. Как раз солнце в зените. Но надо идти. Сбоку от офицерской столовой он остановился. Прижался к стене, стараясь скрыться от солнца за метровым козырьком крыши. На часах 12:00, 12:05, 12:10.

– Ну блин, как всегда, – проговорил старший лейтенант. – Неужели так трудно приходить вовремя?

На аллее показалась миниатюрная женщина в шортах, майке, что подчеркивало ее точечную фигуру и особенно грудь третьего размера, которая колыхалась в движении. Женщина была без бюстгалтера.

Павлов сглотнул слюну.

Женщина подошла, поцеловала его в щеку.

– Привет, Боря!

– Привет, Лен! Это у вас что? Действительно традиция опаздывать на встречу?

– А ты не знал, что женщина имеет пятнадцать минут?

– На то, чтобы парить дружка в этом пекле?

– Извини, Боря, опоздала не по своей вине. Вернее, не опоздала, – женщина улыбнулась, – задержалась.

– Ну, конечно, вы же задерживаетесь, как начальство.

– Погоди, я сразу не обратила внимания, ты как назвал себя?

– В смысле? – Павлов поднял глаза на женщину.

– В том, что назвал себя моим дружком?

Старший лейтенант сообразил и тут же включил непонятку:

– А разве я так назвал?

– Именно, Боричка. Пятнадцать минут на то, чтобы парить своего дружка в этом пекле.

- Не может быть. Тебе слышалось.
- У меня хороший слух.
- Ну это ни о чем не говорит. Конечно, ты моя невеста, дорогая.
- Вот так лучше.
- А кто тебя задержал?
- Начпрод.
- А ему какое дело до тебя?

Женщина кокетливо улыбнулась и повела плечами:

- Не подумай ничего такого. А ответ прост: тебе ли не знать, что начпрод наш начальник.

Павлов задвинул панаму на затылок:

- Черт, об этом я не подумал.

Женщина, пришедшая к офицеру, – вольнонаемная Осипова Елена, двадцати лет, являлась официанткой офицерской столовой полка.

- Но это такая ерунда. По идее, столовая в подчинении зампотыла.

– Ага! Будет тебе майор заниматься столовой, когда на это есть капитан – начпрод и прапорщики.

- И что он хотел, этот боров?
- Почему боров? Капитан – упитанный мужчина, но еще внешне ничего.
- Я спросил, что он хотел от тебя.
- Я сегодня свободна, а начпрод решил видно отдохнуть с Олей Лейко, просил меня заменить ее.

- Ты, конечно, отказалась.

- Да, но не из-за вредности, хотя характер у меня, признаться, довольно противный.

- Я знаю!

- Что?

– У тебя противный характер, дорогая, с небольшими заскоками, как у любой женщины, выражающийся иногда в капризах.

- Ловко. У тебя большой опыт общения с женщинами?

– Откуда? В училище было не до них. Ну почти не до них. По окончании – и отпуска, Ташкент и Афган, и здесь... только ты. Откуда опыту взяться? Если только от тебя.

- Так я тебе и поверила, что в училище у тебя не было девушек.

- Девушки были, а женщин нет. Разница большая.

- Ладно. Я отказалась, потому что дело касалось Ольги Лейко, а не других девочек.

Павлов присвистнул:

- Девочек?

- Не хами!

- А чем тебе Ольга не угодила?

– Сука она, и знает, что и у меня личные дела, а нет, тихо в сторонку, мол, меня не касается, это начпрод.

- Так на чем договорились?

- Послала я их обоих к черту? Хотят развлекаться, пусть после дежурства и развлекаются.

- А начпрод что?

- Орать начал, как скажу, мол, так и будет.

- А ты?

- Ну чего допрос устроил, ушла я из модуля.

- Результат?

- Лариска Соткина согласилась поменяться.

- Значит, мы сегодня вечером встретимся?

Елена вздохнула:

– Вопрос, где?

– Ну за это, дорогая, не волнуйся. Начальник бронетанковой службы вчера улетел в Союз, а у него отдельный отсек.

– И что?

– А то, что мы с майором вместе еще в Ташкенте кружили, когда ждали отправки сюда. Начальник БТС – оторва еще тот. Любитель, как говорится, костра и солнца. Каждый день новых девочек снимал в кабаке. А оплачивал я. Мы с ним в гостинице в одном номере жили, вместе в кабак шастали.

Осипова, сощутив глаза, посмотрела на Павлова:

– И ты, конечно, тоже каждый вечер снимал себе девочек, как и начальник бронетанковой службы?

– Ну что ты, я расплачивался и в номер.

– Врешь.

Павлов взял официантку под руку:

– Слушай, Лена, ну к чему эти разборки? Что делал я в Ташкенте, что делала ты до моего знакомства? Разве это важно? По-моему, важно другое, то, что ключи от отсека майора Глазова у меня.

– Вот как? Ключи от отдельного отсека?

– Да. И мы так сегодня порадуем друг друга!

– Ты открыто проводишь меня в модуль офицеров штаба?

– Люди на фильм пойдут, а мы потихоньку в модуль. Я зайду через вход, открою отсек, окно – и все дела.

– А я, значит, через окно?

– Предложи что-нибудь другое.

– Но меня могут увидеть.

– Лен? Ну кого здесь этим удивишь?

– Разговорчики ненужные пойдут.

Павлов рассмеялся:

– А ты такая наивная и не догадываешься о том, что эти разговоры давно по гарнизону гуляют. Как и те, что в красках описывают твой бурный роман с начальником химслужбы.

– Никакого романа не было, так, просто интрижка.

– Ну конечно. Скажи еще: платоническая любовь, и вы в его отсеке ночами книги Достоевского вслух читали.

– Я тебя ударю.

– Не получится. Так как решим?

Осипова опять вздохнула:

– Ладно, что любовь не делает. Когда и где встречаемся?

– В 20:50 у клуба. А потом к модулю офицеров штаба.

– В 20:50, – проговорила женщина, – хорошо. Но не у самого входа.

– Я буду рядом с курилкой. Увидимся, пойду за клуб, ты следом.

– Хорошо. Все, я пошла.

– Ты бы бюстгальтер, что ли, надела, а то груди случайно вывалятся.

– В бюстгальтере жарко.

– Может у тебя и трусиков нет?

Старший лейтенант попытался залезть под юбку, но получил удар по щеке.

– Может, и нет. Но не сейчас проверять. Будет время, все увидишь.

– Ты моя любимая!

– И не надейся от меня избавиться. Ты мой, и мы будем вместе.

– Конечно, кто же против?

– Надеюсь, ты не забыл о своем обещании?

– Прости, о каком?

Осипова посмотрела на старшего лейтенанта.

– Насчет 28-го числа?

– А?! Твоего дня рождения? Не забыл, отметим в лучшем виде.

– Я не о том. Ты обещал что сделать в этот день?

– Предложить тебе руку и сердце.

– Правильно.

– Так сделаю. какие проблемы? Но здесь расписываться не будем, тем более свадьбу устраивать. Ты заменяешься в августе, я – в сентябре. Ты поедешь к себе на Украину, я, получив отпуск и новое назначение, приеду к тебе. Вот тогда и зарегистрируемся, и свадьбу закажем, благо денег на это у нас куча. Весь твой райцентр гудеть будет.

– А не обманешь?

– Так я же предложение сделаю, а ты согласишься.

– И ко всему этому слово офицера, что все будет так, как должно быть.

– Конечно.

– Хотя... вполне могли расписаться и здесь. А дома сыграть свадьбу.

– Не по-людски это. Я должен с твоими родителями познакомиться, просить у них твоей руки. Чтобы все, как положено. Брак – это дело серьезное.

– Ох и хитрый ты, Павлов.

– Не веришь?

– Не знаю. Хочу верить.

– Верь, Лена, без веры человек мертв.

– Типун тебе на язык, кто здесь о смерти говорит? Она и без разговоров столько ребят унесла.

– Да. Но все, разбегаемся. Иди!

– До вечера, Боренька.

– До вечера, дорогая.

Павлов проводил взглядом фигуру подруги, усмехнулся:

– Хороша, бестия, слов нет, но жениться... Нет уж, дорогая, как-нибудь без этого. Иначе потом рогами провода рвать будешь. Такие девочки для семейной жизни не пригодны. А жаль, ведь все при ней. Но сущность не изменить.

Старший лейтенант был холост, в Тамбове в уютной двухкомнатной квартире жила его мать – учительница биологии в школе, которую и он в свое время окончил.

Он, выкурив сигарету, пошел к батальонному модулю.

В это время в таком же офицерском модуле, но эскадрильи, в одном из отсеков находились трое. Экипаж вертолета «Ми-8» под номером 33. Командир, капитан Фролов Владимир, штурман, старший лейтенант Илья Истомин, и борттехник, прапорщик Юра Бобров, лежали на кроватях, под кондиционером.

Борттехник проговорил:

– Мужики, на обед скоро.

– К черту этот обед, – ответил Истомин.

– Это понятно, перекусить и здесь можно, но так ведь положено.

– Положено, – протянул Истомин. – А не пойдем, что будет? От полетов отстранят? Так завтра ничего не намечается, иначе уже сегодня объявили бы. И потом, если надо срочно поднять «вертушки», командир будет смотреть на запреты? Так бы и косили от войны. Пропустили обед или ужин – отстранение, чуть поднялась температура – отстранение. Кто бы задачи решал?

Фролов прекратил перепалку:

– А ну, отставить базары. Обед по распорядку.

Техник мимикой передразнил штурмана, тот показал ему кулак.

Сам же командир экипажа читал письмо, доставленное еще вчера. Капитан Фролов Владимир Евгеньевич родился в 1961 году в Москве, отца он не помнил, жил с матерью. После школы, неожиданно для всех, ведь учился на «отлично» и мог бы поступить в любой московский вуз, Владимир уехал в Сызрань, где стал курсантом авиационного училища летчиков. В 1982 году, закончив училище, служил три года в Группе советских войск в Германии (тогда была и такая, как и ГДР, как и Варшавский договор, как и войска, расположенные в Восточной Германии, Польской Народной Республике, Венгрии, Чехословацкой Социалистической Республике). Отслужил, как холостяк, три года. В конце второго года службы в ГСВГ получил известие, которое потрясло его. В 36 лет умерла мать. Он отбыл в отпуск по семейным, на похороны, узнал, что она почти год болела раком, что тщательно скрывала от единственного сына. Лечение результатов не дало, и мамы не стало. Квартира осталась за ним, так как из нее он уходил в армию. Заменившись в 1985 году в Московский военный округ, встретил красивую девушку Ольгу. Они поженились. А затем командировка в Афганистан. Сейчас в московской квартире жила жена Ольга и трехлетний сын Артем. От Ольги и пришло письмо, описывающее жизнь без него в Москве, но как-то сухо, кратко, словно отписывалась.

Перечитав послание, ответил он на него еще вчера, капитан вложил исписанные листы в конверт, положил его в тумбочку.

Подавал голос штурман:

– И чего дальше, командир?

– Видик посмотри, – проговорил Фролов.

– Да уж все кассеты пересмотрел по несколько раз. Да и понять ни хрена невозможно, они же все на английском или немецком.

Техник добавил:

– А так же на французском, испанском и других, неизвестных нам языках. Вот порнушку бы взять? Кстати, командир, – прапорщик повернулся к Фролову, – ты не в курсе, на следующее воскресенье не планируется поездка в Кабул?

– Не знаю, а что?

– Да я в прошлый раз на одного дукащика налетел, костюм у него брал, спросил и про кассеты с порнофильмами. Дух сказал, что достать можно, но не сразу. Я попросил, он обещал привезти.

Истомин усмехнулся:

– У тебя, Юра, от порнухи яйца разорвет. И секс надо не на видео смотреть, сексом, друг мой, надо заниматься вживую.

– Это тебе хорошо говорить, закадрил медсестру, и нет проблем. А мне к кому подвалить?

– Попробуй к врачу эскадрильи. Насколько мне известно, капитан медицинской службы Маргарита Петровская – женщина свободная и, кстати, имеет отдельный отсек. Не замужем. Вернее, разведена, детей нет. Она постарше тебя будет, но это даже к лучшему. Опытная, знающая толк в сексе женщина, что еще надо молодому жеребцу наподобие тебя?

– Смеешься, да?

– Почему? Вполне серьезно.

– Ага?! Серьезно, кто я, а кто Петровская. Я – прапорщик, она – капитан. И на хрен ей я, молодой? Около нее и наши офицеры, и полкачи трутся.

– Вот только не подпускает она никого к себе. Может, как раз и ждет, когда ты подвалишь! А хочешь, я прошупаю почву через Людмилу?

Сержант Людмила Румянцева – медсестра, с которой встречался Истомин.

– Ну уж нет, спасибо, – отказался борттехник, – а то потом, если что не так, медосмотр не пройдешь.

– Пройдешь!

– Это вас, пилотов, еще пропустят, а меня быстро заменят.

– Не заменят. Потому как экипаж это единое целое.

Фролов проговорил:

– И не надоело вам пустоту гонять?

– А что делать? – ответил штурман.

– Я приказал отставить базары.

– Только никто их не прекратил.

– Ну не молчать же? Черт, и на улицу не выйдешь, пекло градусов под пятьдесят на солнце. Сейчас и душ уличный не примешь. Там вода из скважины ледяная. В момент простынешь.

– Первый день здесь, что ли?

– Вот поэтому, командир, я и не люблю выходные. По мне лучше работа. И занят, и время быстрее летит.

Фролов усмехнулся:

– А когда работаем, то ноешь, что отдыха не дают.

– Это когда...

Штурман экипажа «33-го» хотел что-то сказать, но открылась дверь, и в проеме образовалась улыбающаяся физиономия борттехника соседнего экипажа, прапорщика Василия Кирсанова.

– Привет, соседи!

– Здоров, – ответил Истомин и тут же спросил: – А чего у тебя, Вася, морда лица такая довольная, как у кота, который только что поймал мышь?

– Как же не радоваться, Илья! У Ловеса сын родился.

– Да ты что? Когда?

– Сегодня рано утром.

– А как узнали?

– Как-то передали новость через штаб армии в полк.

Старший лейтенант Максим Ловес являлся штурманом экипажа вертолета с бортовым номером 34.

– Так что, ребята, Ловес приглашает своих друзей отметить данное событие. В 16:00 милости просим в наш шалаш.

Фролов спросил:

– Комэск в курсе пьянки?

– О чем вы спрашиваете, товарищ капитан? О рождении сына он знает, о пьянке, естественно, нет. Но мы тихо, немного.

– И Короленко не против?

Старший лейтенант Короленко – командир экипажа «34-го».

– Так он и настоял, чтобы штурман выставился.

– Ну если так, то в 16:00 будем.

– Понял, так и скажу своим. Подарков не надо, с собой ничего не брать. Я сейчас в воен-торге затарюсь всем необходимым.

– Магазин же сегодня не работает, – заметил Истомин.

– Это для кого как. Кто в магазине продавщица? – И сам же ответил: – Правильно, господа офицеры, несравненная Аллочка Ярцева, подружка нашего командира. Неужели она не откроет магазин ради возлюбленного? Да и открывать не надо. С черного входа возьму что надо. Аллочка уже поставлена в известность и ждет. Так что я погнал, а вы подходите к четырем.

Прапорщик Бобров предостерег:

– Ты смотри аккуратней с затаркой, а то попадешься на глаза замполиту, будет тогда обмывание.

– Чтобы я запалился? Обижаешь, Юра. Короче, до встречи, мужики.

Борттехник соседнего экипажа испарился.

Истомин поднялся с постели:

– Ну вот, хоть какое-то развлечение.

– Развлечение – это хорошо, – сказал Фролов, – но предупреждаю, больше трехсот граммов не пить.

– Командир?! – воскликнул техник. – Что такое для нас триста граммов? Нет ничего, давай хоть по пол-литра, ведь не спирт же жрать будем, а водку.

– Ладно, видно будет. А сейчас давайте собираться, пойдем на обед.

Истомин проговорил:

– Кто бы знал, как не хочется выходить из нашего прохладного, уютного отсека.

– Собирайтесь!

– Есть!

Обед прошел как обычно, летный состав питался в отдельном блоке, офицеры и прапорщики технической службы эскадрильи и полка – в общем зале офицерской столовой.

После обеда вновь отдых, от которого уже начинало тошнить. Карты и нарды надоели, на улице зной – тридцать пять градусов в тени, не прогуляешься, остается только спать. Кто-то писал письма, кто-то читал книги, кто-то смотрел видео, кто-то слушал музыку.

В 15:30 Истомин напомнил:

– Мужики, не забыли, в четыре посиделки у соседей?

– Не рано ли напомнил? – спросил Фролов.

– В самый раз, а то уснете, хрен потом разбудишь.

Фролов вздохнул:

– Да, надо вставать, размяться.

Бобров сказал:

– Хоть и говорил Вася Кирсанов, никаких подарков, но с пустыми руками идти к ново-явленному отцу как-то неудобно.

Штурман заметил:

– Неудобно, Юра, в кабину через блистеры без лестницы залезать, остальное нормально.

Фролов же поддержал борттехника:

– Василий прав, подарок нужен. Впрочем, что за подарок и где его взять?

Он посмотрел на штурмана.

Истомин месяц назад вернулся из отпуска. Чемодан его не проверяли, но что-нибудь такое он должен был привести из Союза.

– А что ты на меня, командир, смотришь?

– Колись, что притащил из отпуска по семейным?

– Да так, ерунду всякую. Часы, самовар, электродрель, набор сверл, кое-что по мелочи.

– Давай дрель.

– С чего это? Я перед заменой на нее джинсовый костюм в комплекте обменяю, да еще в придачу пару блоков американских сигарет.

– Сколько ты этих джинсовых костюмов уже перетаскал в Союз? За отпуска и три командировки?

– Шесть комплектов, и что?

– На хрена тебе столько? – спросил борттехник.

– Вы че, в натуре, дурака из меня делаете? Понятное дело, на продажу. Я за каждый костюм по пятьсот рублей брал.

– Значит, мало? А кто тебе отпуск по семейным пробивал? – спросил Фролов. – Ведь явно было, что телефонограмма липовая. Заверенная каким-то сельсоветом, а не районным военкоматом. Но ведь отпустили же. Потому что я уговорил комэска.

– Базара нет, командир, ты помог, но не будь тогда на базе лишнего штурмана, у которого проблемы с заменой вышли, хрен бы и ты чего добился.

Фролов посмотрел на товарища:

– Значит, зажал дрель?

– Твою мать, да забирайте! Скажешь тоже, зажал? А может, Ловесу часов хватит?

– У него их три штуки, одни наградные.

– А сверла?

– И что без дрели с ними делать?

– В дукане обменять на батник приличный можно, а то еще и на майку хватит.

– Все с тобой понятно.

Командир экипажа взглянул на борттехника:

– Скажу тебе, Юра, подобного жлобства я от штурмана не ожидал.

– А я так вообще не думал, что Илюха зажмет. Никогда бы не подумал.

Штурман полез под кровать, достал чемодан, открыл его, бросил коробку на кровать.

– Вот вам дрель, забирайте.

– Э-э, дружок, так не пойдет, – усмехнулся Фролов, – ты ее от всего нашего боевого сплоченного коллектива и подаришь виновнику торжества.

– Ну и подарю, делов-то.

Борттехник подсел к штурману:

– Илюх, не в обиду.

– Ну что тебе?

– Ты же жаришь Румянцеву?

– Это не твое дело.

– Я же к тебе по-человечески, без обид. Конечно, это дело твое, но ведь жаришь?

– И что?

– Неужели за все время отношений с ней ты ей никакого подарка не сделал?

– Отстань, прапорщик, сказал же, не твое дело.

– Нет, ты скажи, мы же друзья. Никто тебя ни в чем упрекать не будет.

– Дарил подарки. Немного, но дарил. Устроит?

– Сомневаюсь я что-то. Но это твоя ошибка, твое дело.

Штурман взглянул на борттехника.

– В чем ошибка?

– А ты не врубаешься? Бабы вообще подарки, цветочки там всякие, безделушки, особенно здесь, очень любят. Ты не даришь. Подвернется шустрый лейтенант из десантуры – и не видать тебе своей сестрички как собственных ушей.

– Да отвали ты.

Фролов прекратил перепалку:

– Все, закончили. Истомин, бери дрель и пошли к соседям. Опаздывать неприлично.

Экипаж «33-го» прошел к соседям.

В отсеке, или, как еще его называли, кубрике, в блоке отдыха кровати были пододвинуты к стене, посередине выставлен стол из кухонного блока. На столе бутылка шампанского, четыре бутылки водки, тушенка в тарелке, картофельное пюре из порошка, сало, мелко нарезанное, рыбные консервы в банках, граненые стаканы (другой посуды для питья, кроме, естественно, кружек, летчики не воспринимали) взяли из офицерской столовой, хлеб оттуда же. В общем, все скромно и сердито. По-военному.

«Гости» сели прямо на кровати, табуреты поставить уже было негде. Кое-как поднялся командир экипажа «34-го», старший лейтенант Короленко кивнул бортехнику:

– Вася, распечатывай шампанское, да смотри, чтобы оно не вылетело из бутылки вместе с пробкой.

– Не надо учить ученого, я сколько этой шипучки наоткрывал, не счесть.

– Давай, умелец.

Кирсанов открыл так, что пробка угодила счастливому отцу прямо в лоб, а стол покрылся пеной.

– Ну, Вася, – воскликнул командир экипажа, – сколько бутылок открыл, лучше бы я сам.

– Так вышло, господа, прошу прощения. И вроде в холодильнике стояла.

– Ладно, там осталось что-нибудь?

Шампанского хватило, чтобы прикрыть дно стаканов.

– Осталось, – бортехник с сожалением посмотрел на пустую бутылку, – надо же, такое со мной в первый раз.

Бобров философски заметил:

– Все когда-нибудь случается в первый раз.

– С тебя тост, незадачливый ты наш разливальщик, – сказал Короленко.

– Тост это можно. Недавно один вычитал. Нормальный тост, в тему.

– Давай, не тяни.

Прапорщик поднял стакан и с выражением, что немного удивило офицеров, выдал:

– А выпьем-ка без лишних слов.

А выпив, вновь нальем.

За то, чтоб сын твой, Макс, был здоров

Да рос богатырем.

– А ничего, – оценил Фролов, – пойдет. За сына твоего, Макс.

Все сделали по глотку шампанского, больше попросту не было.

Кирсанов тут же разлил водку по полстакана. Под тост выпили, закусили. Дальше пошло по накатанной. Тосты, выпивка, закуска, перекур.

Отсек постепенно наполнился дымом. Кондиционер не справлялся, пришлось открывать окно. Сначала пили за сына, за его мать, жену штурмана Ларису, потом за всех родственников с обеих сторон, за отца, потом за здоровье всех, не забыли и упомянуть тех, кто погиб. К семи часам пили уже вразнобой и так же разговаривали. Командиры экипажей между собой, штурманы и бортехники между собой. Ближе к ужину Кирсанов вытащил из-за шкафа гитару. Запели. Особого слуха ни у кого не было, да и играл бортехник так себе, но зато шум подняли знатный, особенно когда исполнили обязательную при любой попойке «Катюшу».

За временем никто не следил.

Веселье было в самом разгаре, когда в отсек заглянул командир эскадрильи.

Подполковник Елагин пришел, и его не заметили.

– Та-ак, – буквально прокричал он, – хорошенькое дельце. А я, как идиот, сижу в столовой и жду, когда эти два мои экипажа на обязательный ужин придут. Безтолку ждал.

Фролов, оказавшийся самым трезвым, вернее не самым пьяным, воскликнул:

– О! Какие люди?! Товарищ подполковник?! Просим к столу.

Он указал на сильно захмелевшего Кирсанова:

– А ну освободи место для командира.

– Угу, – промычал бортехник и почему-то полез под кровать.

Комэск поднял руку:

– Не стоит. Прапорщик, на место.

Кирсанов сел на прежнее место и осоловевшими глазами смотрел на комэска, видимо, осознавая, что происходит.

- И кто, товарищи офицеры, разрешил пьянку? – спросил Елагин.
- Ответил Фролов, остальные не сделали бы этого:
- Так повод какой, Семен Андреевич! У Ловеса сын родился.
- Я в курсе, но не слышу ответа на вопрос.
- Ну, мы это... сами... так, чисто символически.
- Комэск повысил голос:
- Символически? И это, – он указал на десять пустых бутылок, стоявших перед столом, – ты называешь символически?
- А чего? Нормально. Мы еще к девочкам пойдем.
- Да вас самих сейчас... того... можно.
- Обижаете, Семен Андреевич.
- Нет, это надо так нажраться? Что, не могли спокойно по три рюмки, и все?
- Кирсанов промямлил:
- Где бы еще эти рюмки... взять. А в стакан... пятьдесят граммов не нальешь. Сотку и ту с трудом.
- Тебя никто не спрашивает, поэтому рот закрой!
- Закрыл. Виноват. А вообще, я спать! Не хочу пить.
- Он упал на кровать и тут же заснул.
- Короленко попытался встать и чуть не опрокинул стол.
- Да сиди ты, – сказал комэск, – хороши, голубки. А если завтра на вылет?
- Истомин проговорил:
- А если завтра война?
- Вот и я о том же. Два экипажа выбиты из строя.
- Фролов вздохнул:
- Это на сегодня. Сегодня мы вряд ли сможем лететь. А завтра? Завтра с утра куда угодно.
- Вот вы, Семен Андреевич, выпили бы за сына Макса? А то... как-то не по-человечески.
- Да! А осталось?
- Фролов повернулся к Истомину:
- У нас, Илюха, осталось?
- Тот переадресовал вопрос Короленко.
- Старший лейтенант проговорил:
- Глянуть надо, должно остаться, ящик же был. Весь уговорить не могли.
- Бобров полез под стол, достал две бутылки, выставил на стол.
- Вот! И еще валом. Пей не хочу.
- Налей стакан, – распорядился комэск.
- Бобров налил.
- Подполковник залпом выпил, закусил куском хлеба с салом и приказал:
- А теперь все оставшееся ко мне.
- Кон... конфискуете? – спросил Ловес.
- Нет, оставляю, чтобы вусмерть упились.
- Истомин сказал:
- Мне вообще-то нельзя, у меня свидание.
- С кем, с «белочкой»? Это, пожалуй, вполне может состояться.
- Какой «белочкой», товарищ подполковник, у меня подруга, Людка Румянцева, а Белку я не знаю.
- Будь уверен, узнаешь. На сегодня ты ее словишь.
- Да? И нормальная женщина? Новенькая, что ли?
- Старенькая.
- Тогда не пойдет.

У Истомина заплетался язык, как и у остальных.

Елагин повторил приказ:

– Водку ко мне!

Фролов взглянул на Боброва:

– Вытаскивай.

Прапорщик вновь полез под стол. И пропал.

Прошла минута, другая.

Подполковник нагнулся, посмотрел под стол:

– Вот, твою мать, прямо на полу вырубился прапорщик, водку сюда, сказал!

Пришлось подняться Фролову.

Наконец с трудом ящик был выдвинут к ногам комэска.

– Рюкзак! – затребовал он.

Короленко смог только указать пальцем на шкаф.

Комэск сам достал десантную сумку, сложил в нее остатки былой роскоши.

– Все, ребятам по отсекам и спать. С утра для вас, господа, кросс под моим непосредственным контролем. Всем завтра медосмотр. И не дай бог, у кого-нибудь что-то будет не так со здоровьем. С рождением сына поздравляю, за пьянку самовольную всем выговор. Через полчаса придет дежурный, чтобы находились в постелях. Вопросы ко мне?

Фролов махнул рукой:

– Да какие на хрен вопросы?!

– Ну вот и ладно. С утра еще побеседуем.

– Во! – проговорил старший лейтенант Короленко. – Это правильно, личный состав надо крепко держать. Разговор вместо кросса самое то.

– Ага?! Помечтай, но все! У вас на все про все полчаса. Доложит дежурный, что не спите, а продолжаете куролесить, отправлю на «губу». И плевать, что она солдатская.

Подполковник с сумкой ушел.

Короленко посмотрел на Фролова.

– Это что значит, Вова, попали мы?

– Вроде того.

– А у нас не глюки?

– Не уверен, лично я пошел!

Он двинулся к входу, сбивая стол. За ним, поддерживая друг друга, пошли Истомин и Бобров.

Короленко, придавленный столом, толкнул его от себя. Отодвинул свернувшегося калачиком Кирсанова.

– Правильно, всем отбой!

И упал, не раздеваясь, на свою кровать.

Проходивший мимо командир взвода разведроты полка старший лейтенант Павлов через открытую фрамугу слышал:

– Да на хрену я все видал.

К чему это было сказано, к кому относилось, Павлов не понял. Время у него еще было, решил зайти к летчикам, на борту которых часто летал на разведку, или попросту на боевые.

Открыл дверь и застыл в изумлении:

– Ну не хрена себе? Картина Репина в натуре.

– Боря? Ты, что ли? – спросил Истомин.

– Я, Илюша, а чего это вы, мужики, так нажрались?

Бобров потерял ориентировку в пространстве:

– У нас теперь, что, десантура в наряды по эскадрильи ходит.

– С чего ты взял, Юра?

- Так ты же дежурный!
- Это же сколько вы влили в себя, ребята?

Истомин поднял палец:

- Об этом, Боря, история умалчивает.
- А больше не осталось?
- Ты хочешь выпить?
- Да можно было бы немного.
- Правильно, за сына Ловеса надо.
- Так что, у Макса сын, что ли, родился?

Шатаясь, Истомин подгрел к разведчику, вцепившись в майку, едва не порвав ее:

- Ты чего гонишь, Боря? Мы за каким хреном пили?
- Не знаю.
- Слышь, командир, десантура не знает. Все, блин, знают, а десантура не знает.
- Да можешь ты объяснить по-человечески.
- Ну ты и чудик, Боря.

Павлов удивился, аккуратно отстранив от себя штурмана:

- Это я чудик?
- Ну не я же! Я-то знаю, что у Ловеса сын родился. Или дочь?

Он обернулся к Фролову:

- Командир, а кто у Ловеса родился?
- Сын.

Истомин повернулся к разведчику:

- Вот! Я и говорю, сын у Ловеса родился.
- Ну тогда наливай, если есть.
- Водка-то, Боря, есть, да сил нет. Ты сам, ага?
- Где водка?

– А говоришь не чудик. Ну где может быть водка? Ясный палец в холодильнике, иначе бы выкипела к едрене фене с такой жарой.

- А посуда?
- Может, тебе еще и котлеты пожарить?
- Понял!

Старший лейтенант Павлов открыл холодильник, достал содержимое, что там было, бутылку «Столичной».

Осмотрелся, посуды не было, в кухонный блок не пошел, сорвал крышку зубами и из горла ополовинил бутылку.

- Молодчик, Боря, – сказал Фролов, – нормально приложился, по-нашему.

Выдохнув воздух, разведчик сказал:

- За сына Ловеса. Ну вы, детвора, отдыхайте, я пошел.
- По бабам? – спросил Истомин.
- В клуб.
- А что там?
- Фильм.
- В натуре? Какой?
- «Пес Барбос».
- Это там, где самогон гнали?
- Ну.
- В тему, но водка лучше, хотя... пить вредно.
- Это заметно.
- Много!

Истомин рухнул на кровать.

Фролов махнул рукой Павлову:

– Ты иди, Боря, а то сейчас дежурный явится.

– С чего?

– Так нас комэск застукал.

– Хреново.

– Хреново утром будет. Но ты иди, а то и тебя прилепят к нашей свадьбе.

– Какой свадьбе? Вы же рождение сына Ловеса отмечали.

– Да какая разница.

– Ну да, никакой. Утром, значит, разбор полетов будет?

– Прорвемся, Боря. Вали от греха подальше.

– Ладно. До завтра, братья по оружию.

– Угу!

Закурив, старший лейтенант Павлов вышел из отсека, в коридоре едва не столкнулся с дежурным по эскадрильи, капитаном и замполитом. Те с серьезными минами прошли мимо. Павлов вышел на улицу. Под вечер жара спала, и сейчас термометр показывал двадцать шесть градусов. Вполне приемлемая для этих мест температура в июне.

Павлов подошел к клубу, там уже толпилась группа офицеров. На афише название фильма «Экипаж». Хороший фильм, подумал старший лейтенант, посмотрел бы, но встреча с подружкой важнее. Интересно, но офицеры и прапорщики эскадрильи, узнав, что за фильм им подготовил начальник клуба, уходили обратно в модуль. Хотя, что странного, они же летчики и понимают, как в фильме, в реальной жизни не бывает. И вообще, больше всего военные не любят смотреть как раз военные фильмы, современные. Когда замечают ляпы создателей этих «шедевров».

Он прикурил сигарету, отошел за угол. Там никого и темно. Свет только перед входом, светомаскировка.

Павлов посмотрел на часы – 20:53.

Скоро должна подойти Елена.

Но прошло семь минут, десять, семнадцать, двадцать, а женщины не было.

Пришедшие на фильм уже зашли в клуб. «Может, произошло что-то?» – подумал разведчик, и в это время объявилась его полевая пассия.

– Добрый вечер, Боренька. Извини, задержалась.

– У вас баб, Лена, очень хреновая привычка. И только не говори, что тебя опять пытался кто-то на кого-то заменить.

– Во-первых, не бабы, а женщины, во-вторых, а чего ты так грубо со мной?

– Думаешь, мне в кайф тут почти полчаса торчать? Неужели так трудно прийти вовремя?

– Ты куда-то спешишь? Так я не держу, иди.

– Ладно, проехали.

Осипова подошла ближе:

– А это еще что?

– Что? – не понял старший лейтенант.

– Ты пил?

– Ну и что?

– А мне так приятно перегар нюхать.

– Какой перегар, я выпил час назад.

– Интересно, и по какому поводу?

– У штурмана эскадрильи Ловеса... знаешь такого?

– Ну знаю, конечно.

– Так вот у него сын родился.

– А ты здесь при чем?

Павлов усмехнулся:

– Ну в том, что родился ребенок, я действительно ни при чем. Это Ловес с женой поставились.

Осипова нахмурила брови:

– Чего прикидываешься, ты понимаешь, о чем я.

– В смысле, как оказался на обмывании?

– Да.

– Случайно.

– И ты думаешь, я тебе поверю.

– Лен, верить не верить, твое дело. Но если говорю, что случайно, то значит так оно и было. Просто проходил мимо модуля летчиков, услышал шум в отсеке экипажа Фролова. Зашел посмотреть, что за кипиш, а мужики в лом. Только Фрол еще дышит. Спросил, что за праздник. Объяснили. Налили сто граммов, а ты говоришь перегар. Выпил, как положено, и ушел.

Осипова посмотрела на «жениха»:

– Да? Вроде похоже на правду.

– Какой резон мне обманывать тебя? Если у нас что-нибудь намечалось, то ты узнала бы об этом первой.

– Ну ладно, – смягчилась официантка, – веди кавалер в апартаменты начальника бронетанковой службы.

– По одному пойдем. Ты выходи сразу к тыловой стороне модуля и жди, когда открою окно. Я через вход.

– Шампанское, надеюсь, ты уже занес в отсек?

– Шампанское? Об этом разговора не было.

– Какой же ты все-таки невнимательный, Боря.

– Ну конечно, по сравнению с начхимом. Тот тебе и цветы умудрялся где-то доставать.

– Да, он и цветы дарил, и еще кое-что.

– Ну а со мной тебе и без цветов с подарками хорошо будет.

– Вот с этим не поспоришь. Ладно, пошли.

Женщина скрылась за углом.

Следом двинулся старший лейтенант.

Лазать по окнам официантке не пришлось. В коридоре модуля офицеров штаба не было ни единой души, не считая дневального, который увлеченно писал письмо. И не сразу заметил офицера. Заметив, спрятал лист, вскочил:

– Здравия желаю, товарищ старший лейтенант.

– Привет. Не замерз еще тут?

Солдат, видимо, «черпак», не понял:

– Замерз?

– Да шучу. Шутки не понимаешь?

– А? Вы к кому, товарищ старший лейтенант? В модуле только помощник начальника штаба, остальные в клубе.

Павлов вывел за руку солдата из-за стола:

– Слушай меня внимательно, боец.

– Да?

– Ты знаешь, кто я?

– Командир взвода разведроты.

– Сам в каком подразделении служишь?

– В первой штурмовой роте капитана Субарова.

– Гены Субарова, значит? Это хорошо. Так, – Павлов достал ключи, показал рядовому, – это от отсека начальника бронетанковой службы майора Глазова. Он передал их мне лично. Я сейчас выйду, затем вернусь с женщиной, она так же наверняка тебе знакома, в гарнизоне бабы наперечет. Мы закроемся в отсеке Глазова. Ты же ничего не видел, ничего не слышал. И не дай бог, скажешь кому-нибудь, и по гарнизону пойдут слухи. Ты знаешь, как у нас «любят» стукачей.

– Обижаете, товарищ старший лейтенант. Я не стукач.

– Молодец! Я почему-то так и подумал. Никому ни слова, понял?

– Так точно. А вы это тыры-пыры будете? – сглотнул слюну солдат.

– Чего?

– Ну секс и все такое.

– Ты слишком любопытен.

– Не-е, извините, завидую.

– А вот зависть, боец, кстати, как тебя зовут?

– Коля!

– Так вот, Коля, зависть очень плохое чувство.

– Да знаю.

– Ты не горюй особо, год уже прослужил?

– Почти, осенью прошлого года призвался, в ноябре год будет.

– Вот, осталось-то ничего. Вернешься в Союз. Там за тобой, героем-афганцем, девки бегать будут табуном. Награды есть?

– Откуда?

– Ну медаль я тебе гарантирую. Поговорю с Субаровым, «за БЗ» получишь.

– Правда?

– Слово.

– Это хорошо, только до Союза еще дожить надо. Вон сколько пацанов в «цинках» в Союз отправили.

– Раньше больше было. Ты вернешься, не сомневайся.

– Откуда знаете?

– А у меня нюх на это. Сразу определяю, кто жилец, а кто нет. Ты вернешься.

– Спасибо.

– Не за что. Так, Коля, я пошел, ты на шухере. Если что, предупреди!

– Как?

– Кашляй, словно подавился чем-нибудь.

– Понял.

– Говорю же, молодец, настоящий десантник.

– А то, – не без гордости ответил рядовой.

– Гордись, служивый.

Павлов вышел из модуля, зашел за угол.

Осипова прогуливалась вдоль старого здания.

– Лен?

– А? Да!

– Это я!

– Слышу.

– Иди сюда.

Официантка подошла.

– Что такое, ты потерял ключи?

– Нет, тебе не надо лазать по окнам, в модуле, кроме ПНШ, никого, с дневальным я поговорил, можем зайти через вход.

– Слава богу, а то я уже за юбку свою обеспокоилась.

– Ты бы чулочки надела, как в прошлый раз.

Осипова улыбнулась:

– Что, заводят?

– Еще как?

– Они со мной.

Только сейчас Павлов разглядел в руке женщины небольшую сумочку.

– И не только чулки, я такое нижнее белье купила, ты обалдеешь.

– Я уже балдею. Идем.

Они прошли в модуль.

Солдат отвернулся.

– Все правильно делаешь, боец, – сказал Павлов.

В отсеке начальника бронетанковой службы было жарко. Это и понятно, уезжая, естественно, выключил кондиционер. Павлов включил. Зато в холодильнике нашлась бутылочка сухого вина.

Старший лейтенант повернулся с ней, но Осипова уже нырнула в душевую. Осмотрев этикетку, разведчик поморщился, бормота и есть бормота, как вообще ее люди пьют и на хрена она Глазову? Или тоже иногда принимает у себя кого-то из дам? А иначе на хрена ему вино, всегда вроде или спирт, или водку пил.

Вышла Осипова, и Павлов застыл.

Женщина была в коротеньком распахнутом пеньюаре, без бюстгалтера, груди вразлет, соски в обрамлении розовых кружев, трусики, как две веревочки, не скрывавшие пышной растительности между ног, чулки черного цвета с кружевным ремнем, черные туфли на высокой шпильке, губы подведены, ресницы подкрашены.

– Ну как я тебе? – изогнувшись, как модель на подиуме или стриптизерша у шеста, спросила Осипова.

– Потрясающе, – проговорил Павлов.

Он ринулся к женщине, схватил за ягодицы.

– Да погоди, ты, бугай, сначала в душ.

– К черту душ!

– Ну тогда не получишь самого приятного.

– А?! – как разъяренный зверь, старший лейтенант, успев поставить бутылку на стол, метнулся к душевой.

Осипова тоже осмотрела этикетку. «А неплохое вино», – подумала она, принесла из кухонного отсека два стакана.

Павлов буквально выскочил из душевой голый, с каплями воды на теле.

– Иди сюда, моя дорогая.

– Сначала это.

Она подняла бутылку.

– Открой.

– Потом! Все потом!

Он завалил Осипову на кровать, и даже дневальный слышал, как она начала скрипеть. Слышал он и вздохи, от которых ему нестерпимо захотелось в туалет, усмирить возбужденную плоть.

Глава 2

Утро понедельника, 22 июня, выдалось для летунов тяжким.

Старший лейтенант Истомин проснулся первым в шесть часов. Соскользнув с кровати и удерживая рот ладонью, метнулся к санузлу.

Его рвотные позывы разбудили и Фролова, и Боброва.

В отличие от штурмана, командир экипажа похмельем никогда не болел. Напротив, после хорошей попойки с утра его тянуло на жратву. Вполне мог съесть половину большой кастрюли борща. Особо не страдал и Бобров. Только вид имел совсем не респектабельный, опухший, и физиономию цвета фиолета. Отличительная особенность, которая постоянно выдавала прапорщика, так это до неприличия пунцовый нос.

– Рыгает, – резюмировал Бобров, потянувшись за пачкой сигарет.

– Не кури здесь, – сказал Фролов, – иди в курилку на улицу.

– А чего? До этого же курили спокойно в отсеке.

– Не врубаешься?

– Нет!

– Илье и так хреново, слышал, как выворачивает, а от дыма хуже станет.

Техник вздохнул:

– Ну раз так, то конечно, ладно, потом покурим.

Из санитарного узла вышел бледный Истомин.

Бобров усмехнулся:

– Илюша, ты, в натуре, как поганка бледная.

– Помолчи. Хотя нет, скажи лучше, у нас есть чем похмелиться?

Фролов воскликнул:

– Какое опохмеление, Илья? Через полтора часа завтрак, затем общегарнизонное построение.

Бобров потер лоб.

– А разве вчера комэск обещал нам кросс?

При слове «кросс», Истомин вновь метнулся в туалет, и оттуда донеслись звериные рыки.

– Говорил что-то, – ответил Фролов, – но станет ли проводить, вопрос. Все же Елагин в общем-то мужик нормальный, должен вникнуть в ситуацию.

– Должен не значит обязан.

– Посмотрим.

– А Илюхе реально хреново.

– Только что заметил?

– Удивляюсь, на хрена пить, если так болеешь?

– Это ты у него спроси.

Вернулся Истомин бледнее прежнего. Сел на кровать, протер мокрое лицо полотенцем:

– Не, мужики, не похмелюсь – сдохну.

– Не сдохнешь, – проговорил, подымаясь, Фролов.

В разговор вступил Бобров:

– Илюх?! Все хотел спросить, вот тебя постоянно по утрам полоскает, если вечером выжрешь. Спрашивается: на хрена тогда пьешь?

Истомин взглянул на борттехника каким-то сожалеющим взглядом:

– Сам-то понял, что спросил?

– Я-то понял, и я не болею, ну если так, чуть-чуть, командиру вообще все до фени, свежий, как огурец, только жрать хочет. Но тебя же всего выворачивает.

– И чего теперь? Завязывать?

– Конечно. Не бухал, сейчас встал бы, побрился, умылся, пробежку сделал, на турнике повисел – и в строй с прекрасным настроением.

– Да? А может быть, с ума дернулся бы по трезваку со службой нашей?

– Но летаешь-то трезвый?

– Это когда как, и ты знаешь об этом. Даже сейчас у меня пульс и давление, как у космонавта. А перегар... Это хрень. Так есть у нас похмелиться?

– Вывернет, – ответил Фролов, направившись в туалет и душ.

Истомин взглянул на техника:

– Юра?

– Ну что, Юра? Вчера комэск заходил, к соседям, все забрал, свой пузырь мы допили, хотя... надо посмотреть. Ты глянь в холодильник?

– Вряд ли, если бы и тут бухали, то водка стояла бы на столе.

– Но и пустых бутылок никто не выносил.

– Да?

– Не до того было.

– Это понятно, здесь пустой тары нет, значит.

Он подошел к холодильнику, открыл дверку:

– Ну слава богу, граммов двести есть.

– Там пузырь?

– Угу, и на дне водка. Маловато только.

– Вспомнил, Павлов заходил, он ополовинил. Ты давай, пока Фрол не вернулся, а то и это отнимет.

– Да что он, изверг? Не-е, Вова нормальный мужик.

Однако схватил бутылку, влил в себя остатки, примерно около двухсот граммов, закрыл рот рукой, вернулся к кровати, сел, нагнувшись.

– Ну что, легчает?

Истомин отмахнулся свободной рукой, отстань, мол.

Так просидел с минуту. Вышел из санузла командир экипажа.

Взглянул на Истомина, на Боброва:

– Что с ним? – указал на штурмана.

– Борьба.

– В смысле? – удивился Фролов.

– В холодильнике оставалось немного, Илюха и глотнул. А сейчас водка, видно, туда-сюда по организму гуляет. Проглотит, легче станет, нет...

Техник не договорил.

Истомин вскочил и рванулся в туалет, едва не сбив командира.

Вскоре вернулся с таким обиженным лицом, будто у него отняли счастливое детство.

– Ну не твою мать? – воскликнул он. – Ведь почти прошла и вдруг назад.

Фролов сказал:

– Под душ встань!

– Не говори ничего, командир. Короче, нет у тебя сегодня штурмана. Ложусь и жду смерти.

Командир экипажа кивнул Боброву:

– Сходи к соседям, может, у них что осталось, не все выгреб Елагин.

– Ты разрешаешь похмелку?

– А что мне, по-вашему, делать? Таким Илюху в столовую тащить? Чтобы он там всем аппетит испортил? Или в таком виде на построение выводить?

– Понял, я мигом.

Бобров обернулся быстро. Принес бутылку водки.

Истомин тут же схватил ее.

– В кухонный отсек! – приказал Фролов. – Нам здесь твои мучения лицезреть ни к чему. Штурман скрылся в кухонном отсеке.

Командир спросил:

– Как там соседи?

– Это нечто.

– Что?

– На них страшно смотреть. Но в отличие от Илюши, не похмеляются, пытаются привести себя в порядок. Да и отсек тоже. Там такой срач!

– Да, погуляли на славу.

Неожиданно и без стука вошел командир эскадрильи.

Истомину удалось проглотить водку, и он пришел в себя, хотя и выглядел, как раньше.

Фролов и Бобров поднялись.

– Ну, здравствуйте, товарищи офицеры и прапорщики.

– Здравия желаем, – ответил за всех командир экипажа.

Елагин окликнул штурмана:

– Истомин? А ты чего на кухне? Иди сюда, бледнолицый ты наш.

– Грех, товарищ подполковник, над чужим несчастьем смеяться.

– Так на нет и не будет никакого несчастья.

– Ага?! Не будет. Еще хуже будет.

Старший лейтенант зашел в спальный отсек, встал рядом с боевыми товарищами.

Елагин же присел на табурет.

– Ну что, парни, кросс?

Истомин взмолился:

– Товарищ подполковник, давайте без этого? Или хотя бы не сегодня.

– На жалость давишь, Илья?

– Командир обязан заботиться о своих подчиненных.

– Ну ты поучи еще меня.

– Виноват.

– Соседи как?

Фролов пожал плечами:

– Откуда нам знать?

– А разве Бобров не бегал к ним за бутылкой водки?

Офицеры переглянулись.

Бобров был крайне удивлен.

– Откуда вы знаете, товарищ подполковник?

Командир эскадрильи усмехнулся:

– Плох тот начальник, который не знает своих подчиненных.

– Но вас не было в модуле?!

– Не было. Но догадаться о ваших действиях не сложно. Истомин после пьянки блюет, надо подлечить, иначе в строй не выгнать. У самих водки нет, а где могла остаться? У соседей, там, где вчера обмывали рождение сына Ловеса. Кого командир экипажа пошлет за «лекарством» для штурмана? Естественно, борттехника, так как сам штурман не в состоянии пройти даже в соседний отсек. Логика.

Фролов кивнул:

– Причем железная.

– Ладно, пойду посмотрю на «орлов» Короленко.

Истомин проговорил:

– Товарищ подполковник, прошу, обойдемся без физических нагрузок?

– Посмотрим.

К появлению комэска второй экипаж успел навести поверхностный порядок, а вот себя не все. Ловес и Кирсанов были похожи на пугала.

Экипаж поприветствовал командира эскадрильи.

– Хорошо посидели? – вкрадчиво спросил Елагин.

Короленко вздохнул:

– Вы же сами вчера все видели.

– Хорошо. Даже слишком. А за удовольствие что? Надо платить.

Кирсанов сказал:

– По-моему, мы не в борделе, товарищ подполковник.

– Даже в борделе таких физиономий не увидишь, ты на себя в зеркало смотрел?

– Смотрел. И что? У нас еще есть время привести себя в порядок.

Елагин посмотрел на часы:

– Двадцать минут!

– Этого достаточно.

– Ладно. Погляжу на вас в столовой! И предупреждаю, еще раз такая пьянка, выговором не отделаетесь.

Елагин ушел.

В отсек экипажа «34-го» заглянул Истомин. Ему значительно полегчало.

– Привет, мужики!

– Привет, Илья. Поправил здоровье?

– Да, спасибо, выручили. Елагин заходил?

– Только что ушел.

– Насчет кросса что?

– Чего? – переспросил Ловес. – Какого кросса?

– Комэск вчера обещал устроить, чтобы дурь из наших голов выбить.

– Не помню! Но ничего не сказал, только то, что посмотрит на нас в столовой.

– Ну и хорошо, – облегченно выдохнул штурман «33-го». – Еще раз спасибо, я к себе.

– погоди, – задержал его Короленко, – подполковник у вас тоже был?

– Перед вами.

– Ругался?

– Да нет. Подкалывал.

– Значит, обошлось. Выговоры – это все хрень. Сегодня наложили, завтра снимут.

– Нашел о чем беспокоиться, у меня этих выговоров не меньше десятка. И что? Капитана все равно не получать в ближайшей перспективе. Орден тоже не светит. Так что хрень все это. Пошел, мужики. За мной должок.

– Вот это правильные слова, Илюха, – сказал Кирсанов.

Истомин вернулся в отсек.

В 8:30 все были в летном блоке офицерской столовой. Для летного состава полагался иной, нежели у сухопутных офицеров и прапорщиков, рацион. Поэтому столовая и была поделена на блоки.

Позавтракав раньше, командир эскадрильи прогуливался между столами, наблюдая за личным составом. Особенно за экипажами, устроившими пьянку. Но ничего, привели себя в порядок, пищу принимают без аппетита, но все, что положено. От этого занятия его оторвал посыльный штаба десантно-штурмового полка. Солдат с повязкой подошел к комэску:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться, помощник дежурного...

Елагин прервал рядового:

– Что такое?

– Дежурный просил передать, что вас вызывает командир полка.

– Вот так и вызывает?

Эскадрилья была придана полку, и командир полка являлся пусть и временно, но начальником летчиков.

– Так дежурный по части передал.

– И как срочно вызывает?

Солдат пожал плечами:

– Виноват, не знаю.

– Ладно, иди скажи дежурному, сейчас буду!

– Есть.

Посыльный ушел. Офицеры эскадрильи смотрели на командира.

– Я в штаб.

Он кивнул заместителю по политической части капитану Уткину:

– Андрей Владимирович, после завтрака офицеров и прапорщиков на плац. Если не поступит иной команды.

– Да, товарищ подполковник.

Елагин прошел в штаб полка. Вошел в кабинет командира, подполковника Кротова:

– Приветствую тебя, Александр Сергеевич, вызывал?

– Здравствуй, Семен Андреевич.

Командиры полка и эскадрильи были одного возраста, в одном звании, должности разные, но это не так важно, поэтому в неформальной обстановке обращались друг к другу на «ты», когда по имени-отчеству, когда только по имени.

– Проходи, присаживайся, сейчас замполит подойдет, обсудим одно дело.

– Серьезное дело?

– Да как сказать?! Точно сказать не могу. Замполит объяснит, это он полностью в теме.

– Хорошо, значит построение откладывается?

– Нет, начальник штаба проведет. У меня так, а по своим решай сам.

– Я позвоню?

– Конечно? Что за вопрос?

Командир эскадрильи воспользовался телефоном внутренней связи, вызвав дежурного:

– Костылев? Елагин.

– Да, товарищ подполковник.

– Передай начальнику штаба, чтобы провел развод, я задержусь у командира полка. Распорядок по расписанию!

– Понял!

– Выполняй!

– Есть!

Елагин положил трубку, и тут же в кабинете появился заместитель командира полка по политической части, майор Харламов:

– Разрешите, Александр Сергеевич, – обратился он к Кротову.

Тот кивнул:

– Проходи, Олег Михайлович, докладывай, что у тебя?

– Минуту.

Замполит присел за стол рядом с командиром, напротив Елагина.

– Тут такое дело, Александр Сергеевич. На нас вышли афганцы.

– В смысле?

– Как-то дозвонились до дежурного.

– Интересно. Хотя у глав поселений телефоны имеются. Что за афганцы?

– Из кишлака Тахарак, что в шестидесяти километрах от базы.

– Что хотят?

– Помощи просят.

– Помощи? – Кротов взглянул на замполита.

– Да, у них малец восьми лет тяжело заболел, своих медиков, понятно, нет, пытались обратиться в госпиталь Кабула, не смогли, до нас кое-как дозвонились. Старший их объяснил, что умирает пацан.

Кротов вздохнул:

– Этого нам еще не хватало.

Он раскрыл карту:

– Так, и где этот Тахарак?

В разговор вступил комэск:

– В Уджерском ущелье.

– Да?

Кротов все же посмотрел в карту.

– Точно. Что будем делать?

Замполит сказал:

– Надо бы помочь. Думаю, подполковник Елагин не откажет выслать к кишлаку вертолет, чтобы забрать пацана?

Комэск проговорил:

– Район стремный. Если помните, на прошлой неделе там обстреляли нашу пару «Ми-8». Хорошо, что били с автоматов и машины находились на приличной высоте.

– Они, значит, нас обстреливают, а мы им помогай? – командир полка посмотрел на замполита.

– Но, Александр Сергеевич, не все же афганцы воюют. И мирные дехкане или чабаны не стали бы стрелять по вертолетам. Да и мальчишка в чем виноват?

– Ну не знаю. Что решил, Семен Андреевич? – спросил Кротов у Елагина.

– Надо лететь. Пацан действительно не виноват, что идет война.

– Отлично, – сказал замполит, – но тогда вам надо поторопиться. Судя по докладу дежурного, состояние мальчика тяжелое.

– Машину я выделяю, на подготовку уйдет не больше получаса. Но надо и врача с сестрой или медбрата брать. Возможно, придется помощь на месте оказывать.

– Это не проблема, я решу этот вопрос, – заверил замполит.

– Решай. А с афганцами связи обратной нет?

– Это вряд ли, – проговорил командир полка и спросил: – А что?

– Так кишлак в ущелье, место там довольно широкое, снизиться можно, а вот дно какое? Нужна площадка, чтобы посадить вертолет.

– Здесь я тебе ничем помочь не смогу.

– Ладно, pošлю Фролова, он пилот опытный, найдет, где посадить машину. Давайте в эскадрилью медперсонал. Я буду там, начмед пусть подсуетится.

Замполит проговорил:

– Одних врача и сестры мало будет, надо еще пару бойцов да носилки. Но и это я возьму на себя.

– Хорошо! Тогда работаем, – подвел итог совещания командир полка.

Командир эскадрильи прошел до учебного модуля, где собрались экипажи.

Вызвал Фролова.

Тот вышел к командиру.

– Да, товарищ подполковник?

– Истомин в порядке?

– Так точно. Вылет?

– Да.

– Куда?

– Ты задаешь вопрос, на который напрашивается один ответ.

– Далеко лететь?

– Нет, в Тахарак.

– Вы хотели сказать к Тахараку?

– Я сказал, в Тахарак.

Подполковник объяснил обстановку.

– Теперь ясно?

– Так точно! Но мы вроде провинились и не в лучшем состоянии. Есть и другие экипажи.

– Не пройдете медосмотр, отправлю другой. На тебе остановился потому, что ты, не хочется хвалить после вчерашнего, но... самый опытный в подобных делах. Ты уже сажал вертолет в ущельях, выбрасывая десант. У других командиров опыта меньше. А я не хочу потерять машину и людей. Вылет в 9:30.

– Тогда, может, обойдемся без медосмотра?

– Нет! Все, как положено. Сейчас всех своих в медпункт. Далее сразу на площадку. Пока будете в медпункте, я переговорю с дежурным метеорологом и связистом, уточню прогноз погоды, хотя какие могут быть изменения, если только нет на подходе «афганца», рабочие частоты, в общем, подготовка в экстренном режиме.

– Что, так плох пацан?

– Афганцы говорили, что плох. Да, еще с вами полетят врач с медсестрой и бойцы с носилками. Хрен его знает, что и как предстоит им делать. Понял?

– Так точно. Один вопрос: руководитель полета будет, или обойдемся?

– Все экстренно, но как положено. Будет руководитель полетов. Но давай, вперед.

– Есть!

Через пять минут экипаж вошел в полевой медицинский пункт, где находилось помещение медперсонала и вертолетной эскадрильи.

В кабинет Петровской ввалились гурьбой.

Фролов, улыбаясь, поприветствовал врача:

– Доброе утро, Рита!

Женщина в белом, безупречно отглаженном халате взглянула на командира экипажа:

– Не Рита, Фролов, а капитан медицинской службы Петровская.

– О, как серьезно.

– Да и только так. Я в курсе вашего вылета. Вас, Фролов, прошу остаться, остальным ждать в коридоре.

– Товарищ капитан, – не без юмора сказал Фролов, – вы не можете не знать, зачем мы летим. В кишлаке умирает пацан, и каждая минута на счету. А нам еще машину готовить, так что давайте...

На что Петровская ответила:

– Давайте, капитан Фролов, не тратьте попусту время.

Командир кивнул подчиненным:

– В коридор и в очередь.

– Как достала эта бюрократия. А говорят, она только на гражданке, – пробурчал Бобров. Истомин вытолкнул прапорщика в коридор.

– Не зли эту мегеру, Юра, от меня такой перегар.

– Орех мускатный пожуй.

– Эта врачиха учует, хоть литр мочи выпей.

– А что, неплохая идея.

Бобров усмехнулся и присел на стул.

Истомин не успел. Дверь блока открылась, и появилась медсестра эскадрильи, Людмила Румянцева.

– Оп-па! – воскликнула она. – Кого я вижу?

– Привет, Люд.

– Привет.

– Давай отойдем?

– А чего вы здесь, проблемы?

– Вылет.

– Ну тогда ты, Истомин, попал.

– Перегар?

– Угу! И где же так нажрался?

– Отойдем!

Они отошли к торцевому окну, под кондиционер.

Истомин рассказал о вечеринке.

Людмила посмотрела на него:

– И когда ты узнал, что у вас намечаются посиделки?

– Где-то в обед.

– Меня предупредить трудно было?

– Извини, не получилось.

– Не получилось? А я девочек попросила оставить отсек, ждала тебя, как дура. А ты в это время бухал. Нет, я ничего не имею против мужских компаний, и ты мне, в конце концов, не муж и даже не жених. Но предупредить-то мог?

– Прости, дорогая. Честное пионерское, больше не повторится. А сегодня буду непременно.

– Сегодня я заступаю на дежурство.

– Ну и прекрасно. Здесь удобств больше, чем в секторах модуля.

– Сюда придешь?

– Почему нет? И отмазка всегда найдется. Живот заболел, вот и явился ночью в медпункт, куда же еще!

– Ладно. Но Петровская вряд ли допустит тебя до полетов.

– Так помоги, родная.

– Ты не знаешь капитана?

– Знаю, но знаю и то, что ты можешь помочь.

– Ты понимаешь, что предлагаешь?

– Ну придумай что-нибудь, Люд, мне обязательно лететь надо, иначе комэск может заменить экипаж. Я и так нарисовался, не сотрешь, а тут еще отстранение от полета.

– Ладно. Жди! Но будешь должен мне!

– Господи, и кому я только не должен в этом гарнизоне?!

– Мне особо!

– Базара нет, дорогуша.

Сестра зашла в кабинет и тут же вызвала Истомина:

– Заходите, товарищ старший лейтенант.

С ним вошел и Бобров, так как командир прошел медосмотр.

Техник попал к Петровской, Истомина же усадила напротив себя медсестра. Врач недобро посмотрела на Румянцеву, ей было известно, что она крутит любовь со штурманом и вообще медсестра в присутствии врача не могла проводить осмотр, однако Петровской пришлось закрыть на это глаза. Как знала она об увлечении Румянцевой, так и медсестра была в курсе, что Петровская иногда спит с начальником штаба полка. Афишировать эту связь майор, естественно, не хотел, да и Петровской ни к чему.

Румянцева допустила Истомина до полетов.

И он довольный вместе с техником вышел из кабинета.

Экипаж направился на летное поле. Там Бобров тут же приступил к своей штатной работе, расчехлил «пепелац», открыв капот, осмотрел все системы и агрегаты, проверил уровень масла в главном редукторе, в промежуточном, в хвостовом, в каждом двигателе, заправку топливом, целостность контрольной проволоки на каждом узле автомата перекося. Заполнил технический журнал, расписался. В докладе командиру необходимости не было. Капитан Фролов и старший лейтенант Истомин провели собственный осмотр. Командир расписался в журнале.

Подъехала санитарная машина. Тут же появился и командир эскадрильи.

Фролов доложил о готовности к вылету. Из санитарного «УАЗа» двое десантников в легкой экипировке вытащили носилки, перенесли их в грузовую кабину, туда же прошли врач полкового медицинского пункта старший лейтенант Василько и медсестра с увесистым санитарным пакетом.

Командир эскадрильи пожелал Фролову удачи, и экипаж поднялся в кабину. Каждый отрегулировал под себя кресло, устроился удобнее на подвесной парашютной системе, осмотрел приборы. Истомин доложил о напряжении в сетях.

Подогнали АПА – аэродромный источник питания, бортехник со специалистами подключил его к бортовой шине. Штурман зачитал карту:

– Напряжение сети – норма, топливный насос включен, пожарные краны открыты...

Борттехник занял свое место на отдельном кресле позади командира и штурмана.

Фролов включил радиостанцию, запросил руководителя полетов:

– Береста, Тридцать Третий!

– На связи!

Владимир узнал голос капитана Волгина.

Фролов продолжил:

– Береста, Тридцать Третьему запуск.

– Тридцать Третий, ветер сто десять градусов, четыре метра в секунду, запуск разрешаю.

– Разрешили.

Фролов запустил двигатели. Включились все приборы систем вертолета. Командир и штурман проверили их показания. Порядок.

Штурман доложил:

– Давление в тормозной системе – норма, рулежная полоса свободна.

Фролов вызвал Волгина:

– Береста, Тридцать Третьему предварительный.

Руководитель полетов ответил:

– Тридцать Третьему предварительный разрешаю!

– Разрешили.

Командир экипажа растормозил колеса, отдал ручку от себя и плавно увеличил шаг-газ, потянув вверх ручку слева от кресла.

Вертолет тронулся с места, пошел по рулежной полосе. Через несколько метров Фролов затормозил, проверил тормоза. Порядок. Проехал дальше по магистральной рулежке к черте, обозначающей предварительный старт. Примерно в пятидесяти метрах от выезда на взлетно-посадочную полосу.

У черты «Ми-8» остановился.

Истомин вновь доложил, хотя Фролов прекрасно все видел:

– Полоса свободна, на глиссаде нет заходящих на посадку бортов.

Командир кивнул, вызвал руководителя полетов:

– Береста! Тридцать Третьему исполнительный (разрешение вырулить на исполнительный старт).

– Тридцать Третьему исполнительный разрешаю.

– Разрешили.

Вертолет вырулил на взлетно-посадочную полосу и встал на курсе взлета.

Штурман читал карту:

– Курс взлета шестьдесят, авиагоризонты – разарретированы, обогрев ПВД (приемник воздушного давления) включен, триммеры во взлетном положении.

Фролов вызвал Волгина:

– Береста, Тридцать Третий карту выполнил, к взлету готов.

– Тридцать Третий, – ответил руководитель полетов, – взлет разрешаю.

– Принял, взлетаю!

Истомин включил на часах кнопку отсчета времени. Фролов плавно увеличил «шаг-газ», одновременно потянув на себя и вправо ручку управления, чуть толкнув правую педаль, компенсируя увеличивающийся реактивный момент несущего винта.

Первой, как и положено, от бетонки оторвалась передняя стойка шасси, затем левое колесо основных шасси, последним – правое колесо.

Вертолет оторвался.

Фролов перевел режим связи на переговорное устройство.

Поднявшись на сто метров, Фролов выполнил разворот на нужный курс.

Штурман доложил:

– Курс шестьдесят, исправленный курс шестьдесят четыре, ветер усиливается!

– Принял!

Вертолет пошел над плато на высоте в тысячу метров, выдерживая скорость в сто пятьдесят километров в час.

Спустя десять минут он опустил машину до высоты шестьсот метров, снизив скорость до ста километров в час. Развернул в ущелье. Оно было широким, безопасным с точки зрения обстрела с плато. Миновали брошенное селение Астар, подошли к нужному кишлаку Тахарак.

Командир взглянул на Истомина:

– Что с площадкой?

– Есть и с запада, и с востока. Чистые, видно, местные подсутились. Направление ветра попутное, так что придется развернуться.

– Делаем.

«Ми-8» прошел над кишлаком, на улице которого собралась приличная толпа. Люди махали пилотам, видно, что-то кричали. Выйдя из ущелья и развернувшись, Фролов сбросив скорость и высоту, тихо, как говорится, нежно, подвел «Ми-8» к селению и плавно посадил машину на восточной, дальней от кишлака, площадке. Закрепив шасси, он убрал «шаг-газ».

Лопасты еще вращались, когда борттехник открыл дверку грузовой кабины и выбросил трап.

По нему спустились медики, бойцы с носилками.

К ним бежали мужчины, размахивая руками.

Вскоре толпа налетела на медиков и бойцов. Двинулись в селение.

Истомин, видя все это, проговорил:

– Видать, действительно хреново дело у местного пацана, раз весь кишлак на улицу выскочил.

– Да они все тут родня.

– А что будет, если парень умрет до того, как мы заберем его?

– Хрен его знает. Все может быть, но местные нашим ничего не сделают, грубить, угрожать могут, а вот причинить вред вряд ли. Знают, у нас связь с базой и если что, то максимум через полчаса тут появятся «полосатые». И разнесут на хрен весь этот кишлак.

– Но нам-то от этого не легче? Ведь ты не поднимешь машину без медиков и солдат?

– Подняться поднимемся, отойти не отойдем. Но у нас есть крупнокалиберная пулеметная установка. Откроем предупредительный огонь.

– А они по нам!

– Илья?! У тебя опять депрессуха?

– Честно говоря, состояние не ахти, но в общем...

– Ну и помолчи. Смотри за приборами и будь готов к действиям, я отслеживаю обстановку, Бобров у машины смотрит.

Медики в кишлаке не задержались.

Вскоре толпа двинулась обратно. Мужчины несли носилки, бежали бегом, рядом врач, солдаты, за ними еле успевала медицинская сестра, кто-то из местных забрал у нее большой санитарный пакет.

Больного загрузили на борт, вместе с парнем остался афганец. Поднялся медперсонал и охрана. Борттехник поднял трап, закрыл дверь, прошел в кабину:

– Домой, командир, быстрее!

Толпа отбежала от вертолета.

Фролов поднял вверх ручку слева от сиденья, увеличивая мощность двигателя.

Машина медленно оторвалась от грунта, начала подъем.

Набрав высоту в двести метров, Фролов запросил курс, хотя знал, куда лететь. Но положено. Штурман доложил. Увеличивая скорость и высоту, «Ми-8» пошел над ущельем.

Борттехник зашел в кабину:

– Командир!

Фролов оглянулся:

– Что такое?

– Врач старлей требует связи с базой.

– А больше ему ничего не надо?

– Требуется подготовить операционную, чтобы начать операцию сразу по прилету.

– А что у пацана?

– Хрен его знает, но состояние тяжелое.

– Ладно, давай сюда медика.

При появлении врача штурман передал ему наушники с переговорным устройством, переключая кнопку на ручке управления в режим радиостанции.

– Позывной базы – Береста. Знаешь, как пользоваться связью?

Старший лейтенант, медик, держа гарнитуру, отрицательно мотнул головой.

– И чему вас только учат?

Истомин вызвал Волгина:

– Береста, Тридцать Третий!

– Да?! Береста на связи!

– Медик на борту хочет поговорить с полком.

– Понял, переключаю.

– Буян на связи, – ответил начмед.

Вообще-то Буян – позывной командира полка, но своего у медика не было.

Показав, как работать, Истомин вернулся к своим обязанностям.

– Буян! Василько!

Фролов с Истоминным переглянулись, усмехнувшись. Врач совершенно не имел понятия, как работать с радиостанцией. Вернее, как вести переговоры.

– Что у тебя?

Истомин слышал переговоры.

– Больного взяли на борт. У него перитонит. Готовьте срочно операционную, бригаду.

– Сколько у нас есть времени?

– На подготовку операционной?

– На то, чтобы спасти парня?

– Думаю, если в течение часа сделаем операцию, то выживет.

– Передай гарнитуру пилотам.

Ответил штурман:

– Буян! Тридцать Третий!

– Это начмед! Когда ожидать вас?

– Минут через десять будем на летном поле.

– Понял, хорошо!

– До связи, начмед! – не удержался Истомин.

– Что? – не понял начальник медицинской службы полка.

– Отбой!

Штурман отжал кнопку, включив самолетное переговорное устройство. Фролов вывел вертолет из ущелья, начал подъем.

Медик продолжал оставаться в кабине, замороженно глядя вперед. Такого он еще не видел. Полет из кабины.

– Старлей, – привел его в себя штурман.

– Да?!

– А что это за хрень, перитонит? Заразная?

– Не заразная. Перитонит – это, если попроще, воспаление брюшины, попадание в брюшную полость инфекционных и химических раздражителей.

– Ну спасибо, объяснил. А еще проще нельзя?

– У вас был аппендицит?

– Был, вырезали.

– Ну вот, у афганского мальчика тоже аппендицит, но началось осложнение, произошел разрыв червеобразного отростка, аппендикса. Гной попал в брюшную полость. Это, если не прооперировать срочно, приведет к смерти.

– Но вы успеете вытащить пацана с того света?

– Должны успеть. Забрали вовремя. Еще час – и мы бессильны были бы что-либо сделать.

– Мы всегда появляемся вовремя. А что за «дух» летит с нами? Я имею в виду мужика!

– Это отец ребенка.

Фролов спросил:

– Почему без моего разрешения?

– Извините, я думал, вы будете не против!

Фролов покачал головой:

– Ну медики, иди к больному, тут тебе не смотровая площадка.

– Да, да, извините.

Вертолет вернулся на базу в 11:00.

К нему подкатила санитарная машина, носилки с больным перенесли в «УАЗ», тот с медиками, больным и его отцом пошел к полковому медицинскому пункту. Бойцы пошли пешком в свое подразделение. Экипаж же отключил все системы, заглушил двигатели, вышел из машины. Борттехник остался в кабине. Ему еще предстояло провести ряд мероприятий.

Фролов направился на доклад к командиру эскадрильи.

Истомин развернул было к модулю, но капитан поправил его:

– Илюха?! Успеешь! Сейчас со мной!

– Но мне-то чего делать в штабе?

– Это приказ.

– Да брось, Володь.

– Я бутылку, в которой еще половина осталась, выброшу.

– Эх, бьешь прямо в душу. В штаб так в штаб.

Комэск принял доклад, поблагодарил летчиков.

Взглянул на штурмана:

– В порядке, Илья?

– Почти.

– Ничего, пообедаешь, все пройдет, а нет, так сходишь к своей сестричке, она даст какую-нибудь пилюлю. Это через нее получил допуск?

– Какая разница, товарищ подполковник? Выполнили задачу? Выполнили. Надеюсь, обратно больного парня в Тахарак сегодня тащить не заставите?

– Нет. Ему придется полежать.

– А отец его будет по гарнизону болтаться?

– Это не твоя забота, а особистов.

– Ясно!

– Отдыхайте.

Командир и штурман вышли из штабного модуля.

Фролов улыбнулся:

– К Людмиле за пилюлей?

– В отсек! Сейчас-то ты не запретишь мне подлечиться?

– Перетерпишь, к вечеру станет лучше, а встретишься с сестричкой, так она в постели вылечит тебя окончательно.

– Ага?! Если до постели я не загнусь.

– Ладно, пошли в отсек, добьешь свой пузырь.

– Вот это другой разговор, командир.

В отсеке Истомин допил бутылку, граммов сто двадцать, и этого хватило полностью поправить здоровье. Наконец-то он чувствовал себя здоровым, полным сил человеком.

Пришел борттехник, доложил о том, что проверил вертолет после полета, заправил, зачехлил.

Упал на койку, заложив руки за затылок. Взглянул на штурмана:

– Как дела, Илюша?

– Лучше всех!

– Ну слава богу, отошел.

Фролов усмехнулся:

– Надолго ли?

Истомин ответил философски:

– Это как получится. Как покойная бабка одной из моих училищных подружек говорила, все мы в руках Божьих. Я в Бога не верю, но с другой стороны, кто-то создал Землю, звезды, вообще все, что нас окружает, да и само человечество. Не могло же это появиться из ничего?

Бобров посоветовал:

– Читай, Илюха, теорию Дарвина, это насчет людей.

– Хрень полная, с моей личной точки зрения. Объясняю для прапорщика почему. Раньше, значит, люди могли происходить от обезьян, а сейчас нет? Я что-то не слышал, что где-то в Африке обнаружили племя уже не обезьян, но еще не людей, однако с признаками разума.

– Раньше и динозавры по земле бегали.

– Сказал, хрень все эти учения. А придумывается по трем причинам. Либо крышу срыгает так, что в башке кавардак начинается. Либо ученые желают на этой хрени звания полу-

чать, профессоров, академиков, заполучить хату в Москве, рядом дачку, известность, несмотря на то, какую бы ерунду ни придумали. Либо тупо хотят бобло сбить. И лучше не в Союзе, а где-нибудь в Канаде, выставив себя диссидентом. Там нужны люди ученые или хотя бы такие, которые идеально косят под них. Вот тебе и Нобелевская премия, все условия, а главное бобло. Взамен же мелочь: поливай грязью Союз, если не можешь проявить себя в науке.

Техник с удивлением посмотрел на штурмана:

– Ну ты, Илюха, задвинул. Тебе в замполиты переходить надо. Любому запудрил бы мозги.

– Пошел ты, Юра!

– И куда? Я у себя.

– Не знаешь куда?

– Догадываюсь, но не пойду. А вот тебе придется.

– С чего бы?

– А кто договаривался с Румянцевой провести романтическую ночь в медпункте?

Истомин оторопел. Их разговора с Людмилой борттехник слышать не мог.

– Ты чего несешь, Юра?

– Хорош, Илья, ломать дурачка. Мне лично до одного места, что за отношения у тебя с Людкой. Но не надо было при мне такое говорить. Могли по крайней мере выйти из ПМП.

– Значит, слышал?

– Конечно. Ладно, все это ерунда. Что-то в последнее время десантура на месте сидит. То минуты спокойно не было, приходилось бросать взводы то на восток, то на юг, а то затишье. Затишье же, как известно, часто бывает перед бурей. Вопрос, что дальше будет.

Истомин взялся за эспандер.

– Да какая тебе разница? День прошел и черт с ним. Ближе к замене.

– Это так! Но ты сплюнь, а то сглазишь. И придется нам опять по три вылета в сутки делать.

Штурман ответил:

– Плюй не плюй, без толку, все это предрассудки.

Незаметно пролетел день. После ужина экипаж вернулся в модуль.

Истомин принял душ, оделся в спортивные штаны, майку, натянул новые кроссовки.

Наблюдая за ним, техник усмехнулся:

– Илюха, ты лучше тапки надень или сланцы.

– Зачем?

– Сваливать из медпункта проще будет. А кроссовки пока наденешь...

– Это не твоя забота, дай-ка лучше свой французский одеколон.

– У тебя же есть.

– Он с каким-то табачным привкусом, твой же помягче, послаще.

– Говорил, бери этот, нет, дороже ему подавай.

– Юра?! Я попросил одеколон. Зажал, так и скажи, обойдемся.

– Да бери, вон на тумбочке.

Фролов, лежа на кровати, вставил:

– Ты его, как «Шипр», на себя не лей. Иначе твое присутствие в полковом медицинском пункте будет слышно в штабе и в командирском модуле.

– Знаю!

Побрызгавшись одеколоном, взглянув на себя в зеркало, Истомин поднял руку:

– Адьо, господа, я удаляюсь.

Фролов спросил:

– Ты уходишь из экипажа?

– С чего? Сам знаешь, куда иду. На рассвете буду на месте.

– Но ты же попрощался с нами.

– Не понял?

– Адью, Илюха, по-французски – прощай. Навсегда, понимаешь?

– Да какая разница?

– Если уходишь на время, говори «до свидания». Можно даже по-французски.

– Я изучал английский. Читаю и перевожу со словарем. Причем хреново, в училище еле на тройку вытянул.

– «До свидания» по-французски, раз ты так любишь этот язык и желаешь уходить, – «аревуар».

– А ты откуда знаешь?

– А я учил французский, в школе, на «отлично».

– Ну тогда всем аревуар.

– Давай, Казанова.

– Не скучайте, я вернусь.

Истомин вышел на территорию. Стемнело. Вообще в Афганистане темнеет, по нашим меркам, рано и быстро. Казалось бы, конец июня, самые длинные дни и короткие ночи, но в восемь часов здесь уже темно. Освещение есть, но слабое, там, где это необходимо. Периметр гарнизона под охраной усиленного караула. Выйти за пределы невозможно, да и не надо штурману за пределы. Ему надо в полковой медицинский пункт.

Он прошел, как говорится, окольными путями. Подошел к светящемуся окну с торца здания. Заглянул.

Румянцева сидела за столом, заполняла какой-то журнал.

Он постучал.

Она вздрогнула, посмотрела на окно.

Там вовсю улыбался штурман «33-го».

Она покачала головой, улыбнулась, кивнула в сторону входа.

Истомин подошел к входу, осмотрелся. Вот здесь свет был ни к чему, все крыльцо как на ладони. Взялся за ручку, но дверь открыла медсестра.

– Ты чего так рано?

– В смысле рано? Девятый час!

– Отойдем в курилку.

Они прошли под навес из арматуры, по которой разросся виноград. Там их не было видно.

– У меня в стационаре больные еще не спят.

– А что, есть больные?

– Да, Илюшенька, люди иногда болеют. Да еще афганский мальчик. Мне необходимо круглосуточно смотреть за ним.

– Надеюсь, отца его в санчасти нет?

– Нет, тот у особистов.

– Так что получается, даже и после отбоя мы не сможем с тобой расслабиться как следует?

– Сможем. Но недолго, часик.

Истомин вздохнул:

– Что такое часик, Люда, я так соскучился?!

– Правда?

– Честное слово.

– Ну полтора.

– Это уже кое-что.

– Но сейчас иди, погуляй, приходи после десяти, все!

– Слушай, а начмед наведаться может? Из-за афганского пацана?

– Вряд ли, операцию провели успешно, жизни ничего не угрожает, надо только давать антибиотики строго по часам. Да смотреть на показания аппаратуры. Существует вероятность криза, малая, но существует.

– Ты мне этими терминами голову не забивай. Все равно не пойму. После десяти, значит после десяти.

– И еще, Илья, смой, пожалуйста, с себя одеколон. От тебя за версту им тянет. Французский, что ли?

– Заметно?

– Сказала же за версту. А в кабинете и до завтрашнего вечера не выветрится.

– Я же только слегка мазанул.

– Мог бы и без этого, знаешь же, что не в отсек идешь.

– Ладно.

– Ступай, мне пора на место.

– Давай, перекурю, прогуляюсь, мне один хрен делать нечего.

Румянцева ушла.

Истомин присел на скамейку курилки, достал пачку «Ростова», выбил сигарету, прикурив. Курил не спеша, некуда спешить.

Возвращаться в модуль не хотелось, прошел в клуб. Там офицеры играли в бильярд. За стойкой бара – вольнонаемный бармен, который откровенно скучал. До того как началась антиалкогольная кампания, это место было золотым, сейчас же спиртные напитки запрещены. Только в магазине и в ограниченном количестве.

Посмотрев за бильярдистами, Истомин подошел к бармену:

– Тоскливо, Толик?

– Не говори, Илья. Вот хочу в Кабул перевестись. Там веселее.

– В Кабуле есть кому работать.

– Тоже верно. Будешь чего?

– А что у тебя есть? Томатный сок?

– Ну почему? – Бармен хитрыми глазками осмотрел зал клуба. – Для своих людей найдем и кое-что покрепче.

– Да? Водка?

– Угу! Из магазина, не самоделка, хотя думаю, неплохо пошел бы и разбавленный спирт.

– Водка – это хорошо, – проговорил Истомин, – давай сто граммов.

– Момент!

Бармен заработал руками под стойкой, потом выставил бокал с красной жидкостью.

– Чего это? – удивился Истомин.

– Водка, подкрашенная томатным соком. Не могу же я тебе рюмку выставить?

– Ну не так уж и плохи дела у тебя.

– Да это мелочь.

Истомин выпил коктейль.

Поставил бокал, закурил. Курить в кафе тогда еще можно было.

Подрулил командир разведвзвода Павлов:

– Привет, Илюша!

– Привет, Боря!

Он кивнул бармену:

– Толик, как обычно!

– Момент.

Разведчик повернулся к штурману:

– Слышал, вы летали в Тахарак?

– Было дело. Пацана местного больного на базу доставили.

– В курсе. Как там в Тахараке?

Истомин пожал плечами:

– Да вроде ничего. Бородачей в кишлаке много, я бы сказал слишком много. Селение-то небольшое, а народу вывалило, как появились, масса. Но может, из других селений к родственникам приехали? Это у них в порядке вещей. А почему ты спросил об этом?

– Это профессиональное. Но говоришь, мужиков в кишлаке много?

– Много! Хотя сколько их должно быть, я не знаю.

– Ладно.

Разведчик принял такой же бокал. Выпил.

Спросил у штурмана:

– В модуль?

– Нет, дела есть.

Старший лейтенант Павлов улыбнулся:

– Вот и у меня дела. Давай, удачи!

– Взаимно!

Глава 3

На субботу, 27 июня, командир полка, он же начальник гарнизона разрешил поездку в Кабул. Кто мог поехать, решали комбаты, командиры отдельных рот, батарей. Для выхода выделили два «ЗИЛ-131» и взвод сопровождения и охраны на трех боевых машинах десанта (БМД-2). Такие поездки были нередки, но всегда являлись праздниками. Во-первых, хоть какое разнообразие, во-вторых, возможность отоварить чеки, приобрести фирменные шмотки, магнитофоны, сувениры для родных и близких в Союзе.

«ЗИЛ-131» со средней скамейкой вмещал по двадцать четыре человека, значит, посадить можно сорок восемь человек, а подвинувшись, и больше пятидесяти. Для летунов выделили двенадцать мест. Два сразу отдали Петровской и Румянцевой, из экипажей Фролов отказался ехать, уступив место Истомину, которого изначально комэск хотел лишить выезда, по понятным причинам. Из остальных экипажей было выделено еще по одному-два офицера или прапорщика.

Накануне, в пятницу, после ужина в отсек экипажа «33-го» заглянул командир разведывательного взвода старший лейтенант Павлов:

– Привет, братья по оружию, как дела?

Фролов, лежа на кровати, взглянул на разведчика:

– Привет, Боря! У нас дела как в Польше, тот пан, у кого больше. Ты с чем пришел?

– У вас завтра Илюха едет?

– Возможно и Юрий, – командир экипажа кивнул на борттехника, – это завтра решится.

– Но Истомин едет?

– Да еду, еду, Володя, договорился с комэском, за что ему огромное человеческое спасибо.

– Отлично. Тогда пройдем, прогуляемся?

– Зачем?

– Базар есть. Вы уж, мужики, – разведчик посмотрел на Фролова и Боброва, – извините, дело конфиденциальное.

Техник воскликнул:

– И где таких слов набрался?

– Нормальное слово. Идешь, Илюха?

– Да пойдем, все одно свободное время.

Фролов предупредил:

– Не пить!

– О чем ты, командир? – изобразил удивление штурман. – Как можно?

– Я предупредил!

Старшие лейтенанты вышли из блока, затем из модуля личного состава вертолетной эскадрильи. В курилке никого не было. Там и устроились.

Павлов сразу перешел к делу:

– Ты сколько чеков берешь с собой?

– Две сотни.

– Значит, крупных покупок не намечается?

– Этого хватит. Да и что особенного покупать? Джинсы есть, кроссовки тоже, двухкассетник в коробке стоит, даже дорогой чайный сервиз прикупил. Шмоток по мелочи тоже хватает.

– А чего тогда прешься в Кабул?

– Подарок Людке хочу сделать. Часики какие-нибудь, водки подешевле, чем в военторге, прикупить, сигарет. Да просто развеяться, надоел этот гарнизон хлеще пареной репы.

Павлов сказал:

– В дуканах обменный курс один к двадцати.
– Ну и что? Обычный курс.
– А старшина роты Субарова может поменять на двадцать две афшки.
– Где поменять? Или у него собственный обменный пункт?
– Типа того. Есть афгани. Менять будешь?
– Да ну, суета только, с дуканщиками поторговаться – и так собьют цену.
– Собьют-то собьют, но двадцать два больше, чем двадцать.
– Ты что домотался, Юра? Или тебе старшина роты по афшке за каждый обмен отстегивает?

– Да пошел ты. Нашел ростовщика.
– Откуда у старшины местная валюта?
– Он в прошлый раз аферу с нурсиками – пластмассовыми колпачками от неуправляемых реактивных снарядов, провернул. В подробности вдаваться не буду, но умудрился чуть ли не тысячу сбить по десять афоней. А на хрен ему эти афони, если в следующем месяце замена маячит? Ему в Союзе афгани на хрен не нужны.

Истомин усмехнулся:

– Эти афшки в Союзе вообще никому на хрен не нужны.
– Верно. Так будешь менять?
– Ладно. Уговорил. Но к хомуту не пойду.
– Я сам все сделаю!
– Договорились. Сейчас принести?
– погоди, успеешь, я уже со старшиной договорился. Другим не отдаст.
– А что ждать? – поинтересовался Истомин.
– У Ленки моей завтра день рождения.
– И ты решил ей подарок сделать? Так это не проблема, купи ей паранджу, она оценит.
– Шуткуешь? А я серьезно. Мы договорились, что завтра я должен ей сделать предложение.

– В смысле? – удивился Истомин.
– Не въедешь? Предложение руки и сердца.
– Ты что, жениться на ней собрался?
– Охренел? Предложение еще ничего не означает.
– А если потребует слово офицера?
– Илюх? Ты в натуре такой наивный или прикидываешься? Кто дает слово офицера в подобном случае? Если в любом выходе духи грохнуть могут. Но не об этом. Ты посоветуй, что ей купить? Завтра не до обсуждения будет.

Истомин прикурил сигарету:

– Ну если собрался делать предложение, то надо колечко или перстенок какой дарить. Вроде так положено.

– Не мало?
– Ну можешь еще сережки прикупить.
– Насчет перстенька, это ты верно. А серьги? Посмотрим. Давай тащи чеки, у меня времени не так много.
– И сегодня пойдешь к Ленке?
– Конечно, если есть возможность перепихнуться. А возможность сегодня есть.
– А завтра, значит, будет праздник?
– Ты о дне рождения?
– Других праздников вроде не намечается.
– Днем они в столовой соберутся своим коллективом, а вечером, после отбоя, мы вдвоем отпразднуем. Уже все договорено. И место есть.

– Это отсек майора Глазова?

Павлов удивился:

– Откуда знаешь?

– Боря! Ты спроси лучше, кто в гарнизоне и чего не знает.

– Ну, бляха муха, что за система? Шифруешься, как только можешь, а все без толку.

– Я уже понял, проще делать все открыто. Если и так все всё узнают.

– Золотые слова, но иди.

Истомин сходил в модуль, принес чеки:

– Держи, здесь на двести рублей.

– Так это, значит, я тебе должен четыре тысячи четыреста афганей.

– Если по двадцать два, то да.

– Все, свалил, деньги завтра отдам, чтобы не рисоваться здесь.

– Добро!

– И еще, ты поможешь мне подобрать перстенок!

– Без проблем!

Колонна с туристами выехала из Шергана в 9:00.

Выдерживая среднюю скорость сорок километров в час, она затратила на дорогу в семнадцать километров двадцать пять минут, еще двадцать ушло на то, чтобы рассредоточить машины в окружении БМД на площади.

Появление русских афганцы восприняли по-разному. Кто-то жался к зданиям, искоса глядя на «неверных», кто-то поспешил убраться от греха подальше, все же боевые машины десанта с авиационными пушками и экипированные десантники, вооруженные до зубов, сидевшие на броне, впечатляли. Кто-то, особенно дуكانщики, мелкие лавочники, уличные торговцы радовались. Появление русских сулило им неплохой барыш. Командиру взвода сопровождения замполит полка, возглавлявший делегацию, приказал находиться на площади в готовности и действовать по обстановке. Перед выдвижением состоялся довольно продолжительный инструктаж. Замполит объяснил, что все военнослужащие, за исключением охраны, должны присматривать за женщинами, не оставлять их одних. По одному вообще запрещено перемещаться. Да и сектор перемещения ограничивался площадью, до угловых дуканов. Майор Харламов подчеркнул важность приличного поведения, недопустимость конфликтных ситуаций. На закупку товаров отводился ровно один час, после чего без дополнительной команды сбор у машин. Начальник штаба отдельно проинструктировал взвод охранения. Бойцы на броне во все глаза смотрели по сторонам, стараясь не упустить какого-либо необычного случая. И это, в принципе, было не сложно. Советские военнослужащие и вольнонаемные резко контрастировали с местными.

Истомин и Павлов, ехавшие в разных «ЗИЛах», на площади нашли друг друга. Истомин спросил:

– Твоя тоже приехала?

– Не-е, ее не отпустили. Это к лучшему, но начпрод, сука, уже достал ее.

– В смысле?

– Он-то сам с одной из официанток крутит, вот под себя и меняет график, чтобы переспать с любовницей. А то, что у других тоже есть дела, ему плевать.

– Он приехал?

– А как же, со своей пассией, хотя посмотреть на эту кралю – и на месяц охоты от баб отобьет. Такая же сука, как начпрод.

– Так давай тут решим проблему.

Павлов посмотрел на Истомина.

– Ты это о чем, Илюха?

– О решении проблемы.

– Понятнее объясни.

– Ты начпррода в части тронуть не можешь?

– Нет. Я ему даже претензий выставить не могу. Он старше по званию, должности, хоть и тыловая крыса.

– Вот, а здесь это вполне реально. Надо найти эту мерзкую персону, подобрать момент, когда начпррод останется один, объяснить ему, что не прав, и для закрепления дать в репу. Свидетелей нет, потом может хоть десяток рапортов писать, что два старлея набили ему морду. Как проверишь? И потом, у начальства возникнет вопрос: а почему вдруг офицеры решили набить морду? Должна же быть веская причина. А причина – в связи с официанткой и беспределе капитана. Он член партии, а тут такая аморалка. Нет, он даже писать рапорт и жаловаться не будет. И от Ленки твоей отстанет.

Павлов сдвинул панаму на затылок. Он был в штатском, джинсах, майке и кроссовках, но панаму не забыл.

– Да?

– Да, Боря. Другого случая не будет.

– Так мы тогда все время на это потратим.

Истомин согласился:

– Это точно. С ходу не зацепить, хотя, если повезет.

– Нет, Илюха, давай займемся покупками, а морду в случае чего я начпрроду и в части набью. Без свидетелей, и когда он подшофе будет.

– Смотри, дело твое, я предупредил.

– А твоя тут?

– Да, где-то среди баб, но договорились не рисоваться вместе.

– Понятно. Пошли в дуكان.

– Какой?

– Да вон, тот, что подальше на углу, с восточной стороны, а то наши оккупируют ближние, не повернешься.

– Пошли.

Они вошли в дальний дуكان.

Пожилой продавец-дуكانщик изобразил такую радость, словно вся его покойная родня вдруг воскресла и принесла ему сундук с золотом:

– Ассолом аллейкум, шурави, проходи, пожалста. Это ваша верна делала, что к Али пришла. У Али есть все.

– Салам, Али. Так уж и все? – спросил Истомин, разглядывая полки, стеллажи магазина, стены которого действительно изобиловали разного рода товарами.

– Нормально, – проговорил Павлов, – такие магазины да нам бы в Союз!

– «Березки» хватит, а на базаре в Самарканде или Ташкенте то же самое при желании найдешь.

– Я про Москву!

– А там «Березка»!

– И обменяет курс один к одному, когда в том же Ташкенте я менял один к четырем.

– В «Березке» один к одному, а рядом один к пяти, а то и к шести. Только за рубли ни хрена не купить. И гэбэшники пасут посетителей. Залететь – как два пальца.

– Что хотела? – спросил аксакал.

Истомин указал на Павлова:

– Видишь, аскера?

– Вижу. Офицера?

– Офицера. Так вот у офицера есть женщина, зан по-вашему.

– Хо, хо, понимай, женщин. Красивый женщин.

– Тебе откуда знать?
– У вас все женщин красивый.
Он цокнул языком.
Истомин усмехнулся:
– Вот кобель старый, ему скоро в саван и к Всевышнему, а все на баб заглядывает.
Штурман предложил:
– Ему, – он продолжал указывать на Павлова, – нужен перстень или кольцо.
– Ангоштар? Кольцо?
– Да, но не простое, а с камнем, ну с камнем драгоценным, врубаешься?
Дуканщик соображал и так скорчил лоб, потом понял. Засуетился:
– Ангоштар, ангоштар, женщин.
Он вытащил коробки, в которых были выставлены кольца.
– А вот это ничего, – указал на крайнюю красную коробку Истомин. – Перстень небольшой, оригинальное обрамление. Размер-то своей Лены знаешь?
– Что?
– Размер кольца?
– Грудь знаю, задницы.
– И как брать будешь?
– На свой мизинец. Но сначала надо узнать, сколько он хочет за кольцо?
– Чанд? – спросил Истомин.
– Вай дешево, совсем дешево, тысяча афганей.
Павлов вступил в торг:
– Чего? Тысяча афганей за эту хреновину?
– Зачем хреновина? Хороший товар.
– Нет. В другом месте найдем дешевле. Пойдем отсюда.
– Нэй, нэй, – испугался дуканщик, – твой кимат (цена)?
– Пятьсот.
– Э-э, грабишь, все грабят, раис приходит – забирает что хочет, душман приходит – тоже, а руси платит.
– Так я и плачу, пятьсот афошек.
– Э-э, давай восемьсот.
– Шестьсот!
– Семьсот пятьдесят!
– Шестьсот пятьдесят!
– Семьсот!
– Нет, – сказал Павлов, – к другому пойдем. Последняя цена – шестьсот пятьдесят.
Дуканщик вздохнул, словно лишился всего нажитого за всю долгую жизнь.
– Хо! Шестьсот пятьдесят.
– Это другое дело.
Разведчик достал бумажки, сунул дуканщику.
Тот быстро, быстрее любой счетной машинки, пересчитал деньги, спрятал в карман. И сразу же стал приветливым, добродушным, радостным.
Он взглянул на Истомина:
– А ты, офицера?
Истомин давно уже положил глаз на зажигалку и миниатюрные красивые женские часики.
– Вот! – пальцем указал на прилавок, – это и это.
– Хо, хо, – вновь засуетился дуканщик и тут же перешел на вполне сносный русский язык. Хитрая бестия.

– Зажигалка и часы. Хороший выбор, очень хороший выбор. Зажигалка джапан, часы Еуропа.

– Швейцария по ходу, – проговорил Павлов.

– Хрен их знает, да и без разницы. Чанд? Сколько?

– Ай, зажигалка пятьсот, часы пятьсот.

– Ну нет. Не пойдет, старик. Раисы – начальники всякие, душманы у тебя задарма все берут, а на нас решил отыгаться?

– Нэй, нэй! Нет. Твоя цена?

– Все за пятьсот.

– Шестьсот!

– Ну началась прежняя песня. Нет!

– Хоп. Пятьсот пятьдесят.

– Пятьсот!

Дуканщик вздохнул:

– Хоп! Пятьсот.

Забрал деньги и вновь преобразился. Выглядел вполне довольным.

– Ну все? – посмотрел Истомин на Павлова.

– Штаны, что ли, еще взять?

– Сколько их у тебя?

– Да для Ленки.

– А, ну ты же размер ее задницы хорошо знаешь. Бери.

Павлов взял и джинсы «Вранглер». Подумав, они купили еще по батнику и так кое-что по мелочи.

– Пошли? – спросил Павлов.

– Идем! Кстати, у нас есть еще двадцать минут.

– Ты о чем?

– О начпрODE!

– Закрыли тему.

– Ну закрыли так закрыли.

К офицерам обратился дуканщик:

– Шурави, дело к вам!

– Чего?

– Бензина есть?

– Чего?

– Бензина. С Урала.

Павлов усмехнулся:

– Девяносто третий ему нужен. Сколько?

– Канистр, два, три.

– Цена?

– Канистр – джинс.

– Во как? А чего раньше не сказал?

Истомин взглянул на товарища:

– И где бы ты взял бензин?

– Да у водилы «ЗИЛа», у него запасные канистры полные.

– Так на сто тридцать первом семьдесят шестой бензин, светлый, а девяносто третий красный.

– Эх, Илюха, пилот, ты и есть пилот, кроме керосина, в горючке не разбираешься. Берешь семьдесят шестой бензин, сыпешь в него немного марганцовки вот тебе и девяносто третий, красный, вернее розовый.

– Но это же обман.

– Любая торговля – обман. Вопрос, кто кого быстрее нагреет. Продавец или покупатель.

Мы так уже делали. Ничего, прокатывало. Сейчас уже не успеем, но запомним.

Он повернулся к дуканщику:

– Нет бензина.

– А качалу?

– Картошка?

– Ага, картошка, еще гушт, мясо, не свинья.

– Картошка, тушенка, бензин, что еще?

– Ай лопат, намак – соль.

– В следующий раз, но все дорого будет.

– Э-э, торговаться будем, договоримся.

У Павлова оставались деньги.

– Вот черт, а серьги-то забыл.

Он спросил у дуканщика:

– Гушвара?

– О да, гушвара, серьги.

Павлов купил и серьги после символического торга.

Истомин нагнулся к дуканщику:

– Как насчет «Мальборо»?

– «Кэмель».

– А алкоголь?

– Шараб? Э-э, шараб нет... для местных, для шурави есть. Виски, коньяк, водка руси.

– Водка чанд?

– Сто пятьдесят афганей.

– Ты смотри, – взглянул Истомин на разведчика, – дешевле, чем у нас.

– Да дерьмо какое-нибудь. Тут брать – рисковать. Хрен его знает, что будет после их пойла.

– Ладно. – Истомин ограничился двумя блоками сигарет.

Павлов сказал дуканщику:

– Насчет картошки, тушенки, бензина я запомнил. Будет, завезу.

– Хорошо, офицер.

– Ташакор, спасибо, хода хафез, до свидания.

– Хода хафез, шурави, сафар бахайр.

– Чего? – спросил Истомин.

– Счастливого пути он нам пожелал.

– Надеюсь, искренне.

– Их не поймешь, когда искренне, когда нет. Лесть в почете.

– Заметил.

– Давай, дуканщик.

Офицеры с покупками вышли из дукана. Тут же туда ввалились еще двое офицеров, видимо, успевшие обегать большинство дуканов.

Дуканщик принялся за них.

Истомин с Павловым прошли к машинам. Там уже сгруппировалась большая часть военнослужащих и вольнонаемных. Местных стало гораздо меньше. Но обстановка в общем-то спокойная. Видимо, благодаря тому, что десантура спешилась и взяла колонну техники в оцепление, а пушки БМД поворачивали из стороны в сторону.

Посреди толпы – замполит.

– Так, старшие от частей проверить людей.

Проверка заняла минут десять. Собрались все, довольные, кто-то поддатый, даже здесь в столице мусульманского государства, граждане которого строго исповедовали ислам, нашли место и выпивку.

В 11:02 колонна направилась в обратный путь, выстраиваясь на ходу, и в 11:48 благополучно зашла на территорию гарнизона.

И уже там, у парка боевых машин, Румянцева подошла к Истомину:

– Привет, Илюша!

– Привет!

– Нормально затарился?

– Нормально, а ты?

– Что хотела, взяла. Надеюсь, хоть какой-нибудь подарок ты мне купил?

– Угу, – улыбнулся штурман, – чадру!

– Чего?

– Шучу. Купил. Вечером встретимся?

– Если только опять в медпункте. Там будет Галка Белкина дежурить. С ней я договорюсь.

Тебе понравилось в санчасти?

– С тобой мне хорошо везде!

– Льстишь?

– Ни в коем случае.

– Ладно. Тогда после отбоя в медпункте.

– Договорились.

Офицеры, прапорщики, вольнонаемные разошлись по модулям. Поездка не долгая, не сложная, но на нервы действовала. Все же город, где можно ждать всего чего угодно. И были случаи, когда советских офицеров и служащих убивали во время таких поездок. В полку мотострелковой дивизии похитили молодую официантку. Искали, все перерыли, не нашли. Пропала девушка, скорее всего сейчас в сексуальном рабстве, а может и вообще мертва. Но и наши тоже отличались. По ошибке расстреляли трех мужчин, которые хотели продать японские «Шарпы», в одном дуكانе подорвали гранату. Не сошлись в цене, но были сильно пьяны, решили припугнуть, а в результате взрыв. Бойцы успели выбежать, дуканщик с сыном погибли. Всякое бывало. Поэтому нервная усталость ощущалась явственно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.